

Пусть настроение всегда будет солнечным!

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

ЯГОДКА,
или ПИЛЮЛИ ОТ БАБЬЕЙ
ДУРИ

Татьяна Веденская Ягодка, или Пилюли от бабьей дури

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6504386

Ягодка, или Пилюли от бабьей дури: роман / Татьяна Веденская:

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-60070-0

Аннотация

История знакомства Светы и Леры началась давно: с общежития Второго московского меда. Обе оказались с Волги: одна – с верховьев, вторая – с низовьев. Обе мечтали о счастливом будущем. На этом их сходство, собственно, и заканчивалось. Красивая, уверенная в себе Валерия Орлович вызывала у робкой и наивной Светки восхищение. Именно поэтому предложила Светлана своей подружке, попавшей в беду, такое решение, на которое сама бы никогда не осмелилась. Думала ли Светка, как придется расплачиваться им обеим за удачно найденный выход!

Содержание

Глава I	5
Глава II	27
Глава III	46
Глава IV	63
Глава V	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Татьяна Веденская

Ягодка, или Пилюли

от бабьей дури

© Саенко Т., 2011

© Озеров-студия, дизайн обложки, 2012

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Впервые Светлана Дружинина обнаружила, что что-то изменилось, сидя на новеньком кухонном диване у себя дома, ночью, часа в два с четвертью. Была зима. Станным был сам факт, что взрослая замужняя женщина, мать двоих детей, обладательница двух дипломов о высшем образовании, сидит тут, на кухне, в два часа ночи, с ужасом прислушиваясь к самой себе. Что-то было не так. То ли мир изменился, то ли сама Светлана, но кухонное пространство вдруг сократилось почти вдвое и стало давить на Светлану так, что было почти физически больно. И мысль, вдруг появившаяся в ее голове, была такой пугающей, что Светлана немедленно встала и сделала вид, что ничего такого она не думала. «Нет-нет, что вы! Вам показалось. Конечно же, все хорошо. Все счастливы, а я... мне просто надо выспаться, и все пройдет», – решила она, встала с дивана и решительно направилась в коридор. Дом спал, поскрипывая изредка горячими батареями, и звук шагов разносился по всему пространству холла. Возле двери в супружескую спальню Светлана остановилась и в нерешительности помялась, пытаясь справиться с откуда-то взявшимся сопротивлением и иррациональным нежеланием идти дальше. Ей захотелось вернуться обратно на кухню и снова, обхватив двумя ладонями горячую кружку с чаем, сесть на диван.

– Бред какой-то, – пожала плечами она и открыла дверь. В комнате было тепло, даже жарко. Муж шумно спал, раскинув руки. Светлана тихонько разделась и аккуратно пролезла под одеяло, стараясь не потревожить его, но он все-таки открыл мутные со сна глаза и прищурился.

– Светка, ты чего не спишь?

– Сплю-сплю, – прошептала она.

– Ну, иди ко мне, – пробурчал он и притянул ее к себе. Она сразу согрелась, но так и не смогла уснуть. Она лежала, тихо глядя, как за окном идет снег.

Кухонный диван в квартире семьи Дружининых был куплен пару месяцев назад, когда супруги сделали ремонт на кухне. Мысль поставить диван вместо стульев пришла в голову мужу Константину, который вообще предпочитал любой другой мебели ту, на которой можно лежать или хотя бы полулежать. Он так заразительно описывал их диванно-кухонное будущее, что даже сомневающаяся в идее Светлана захотела присесть, раскинуться на диване, включить телевизор и полностью раствориться в предполагаемой атмосфере тишины и спокойствия.

Кухня у них в квартире была небольшая, и найти правильный диван оказалось не так легко. Нужен был экземпляр шириной не больше шестидесяти сантиметров, к тому же желательно, чтобы он мог еще и раскладываться в небольшое спальное место. При тесноте их густонаселенной квартиры

было бы нелишним иметь запасное спальное место на всякий случай. Друзья приедут – можно будет оставить на ночь. Правда, хотя друзей у них хватало, Светлана с трудом могла припомнить случай, когда у них в доме кто-то оставался бы ночевать. Это было не такой уж хорошей идеей – остаться ночевать в доме, где, помимо хозяев, обитает парочка капризных детей и их деятельная бабушка, больше всего на свете беспокоящаяся о внуках.

Основная жизненная позиция бабушки, Ольги Ивановны Дружининой, состояла в том, что режим питания нарушать нельзя. Поэтому если бы вы, к примеру, остались ночевать в гостеприимной типовой трехкомнатной квартире семьи Дружининых, то с утра пораньше, эдак в шесть тридцать, к вам безо всякого зазрения совести прошаркала бы полноватая, одетая в байковый халат старушка и принялась бы стучать кастрюлями.

– Детям же нужно что-то покушать с утра перед школой, – пояснила бы она для вас. Она сказала бы это с плохо скрытым раздражением, потому что из-за вас, лежащего тут в трусах под одеялом, бедные деточки должны идти в школу голодными.

– Конечно-конечно! – сконфузится вы и в следующий раз крепко подумаете, лишать ли детей Дружининых куска хлеба или все-таки вызвать вечером такси. Или вообще воспользоваться услугой «Трезвый водитель», которая в последнее время становится все популярнее. Так что идея с совме-

нием кухни и гостевой комнаты в конечном итоге с треском провалилась, однако диван остался. Угловой, с трудом найденный, узкий, идеально вписывающийся в девятиметровую кухню диван. После ремонта он действительно оказался одним из самых успешных нововведений на кухне. Другие новшества, такие, как длинный гибкий кран-лейка с маленьким душем на конце, конвекторная микроволновка с грилем и кухонный комбайн с насадкой для нарезки оливье, остались без должного одобрения.

– Я, знаете ли, еще не дожила до такого маразма, чтобы мыться в кухонной раковине, – скривилась бабушка Дружинина, рассматривая лейку под дружное хихиканье детей.

Микроволновки бабушка Дружинина боялась, а на насадку плевала с высокой колокольни и резала оливье ручным методом, по старинке. А поскольку в доме Дружининых готовила в основном именно бабушка, ее голос имел решающее значение. Мнение Светланы, кстати, вообще нечасто учитывалось при семейном голосовании, так что и о диване муж спросил скорее из природной вежливости, чем реально интересуясь тем, что она думает. Диван встал на свое законное место, и вскоре оказалось, что место это – одно из самых востребованных в доме.

Утром на разных полюсах углового дивана, подальше друг от друга, размещались детки: десятилетняя Олеся и семнадцатилетний оболтус Кирюшка. Бабушка кормила их и отправляла в школу. Сразу после этого она демонстративно

покидала кухню, чтобы дать возможность Константину оценить, насколько его жена Светлана не дотягивает до нее как до хозяйки. Светлана кормила Константина завтраком самостоятельно, но бабушка ревниво следила за тем, что и как подается ее любимому сыну Костику, и через несколько минут врывается обратно в кухню.

– Кося, мальчик мой, но тебе же нельзя жареные яйца! Светочка, ты же знаешь, у него холестерин! – елеиным тоном восклицала она, добиваясь очередного приступа глухого раздражения у Светланы и огорчения у Константина. Он любил яичницу, любил омлеты, а овсянку не любил, так что он доедал то, что приготовила Светлана, но с легким чувством вины перед своей мудрой и заботливой матерью.

– Когда-нибудь я просто выброшу твой завтрак из окна, чтобы только она была счастлива, – вздыхала Светлана, провожая мужа на работу. Он трудился в одной вполне устойчивой частной фирме по производству и продаже коробок, возглавлял отделение. Упаковывал народонаселение в четырехслойный картон.

– Когда-нибудь надо уже начинать питаться правильно, – отвечал он, похлопывая себя по округлому животу.

Если бабушке случалось услышать эти слова, настроение ее улучшалось на весь день вперед. Главной жизненной задачей, ради которой вот уже семнадцать лет жила, работала и дышала бабушка Дружинина, – это доказать своему сыну, что никакая Светлана не может заменить ее, мудрую и любя-

щую мать, на семейном посту. И в этом она, кажется, вполне преуспела.

– Ольга Ивановна, если я начну кормить его правильно, он со мной разведется! – бессильно трепыхалась Светлана все эти годы, но в ответ на это бабушка Дружинина только улыбалась, включала телевизор, стоящий на холодильнике, уютно раскладывала на столе старенькое клетчатое детское одеяльце и принималась, сидя на диване, гладить белье под звуки одного из многочисленных сериалов.

– Но вы же устаете! Оставьте, я потом поглажу, – качала головой Светлана, но, конечно же, белье гладились, дети встречались из школы, кормились обедами и ужинами только бабушкой.

– Да, я устаю. Но я знаю, как ты гладишь, Светочка, – выразительно поднимала глаза к небу Ольга Ивановна.

– Ну и как? Обычно. Беру утюг и...

– Давай не будем, – с терпеливым видом махала рукой бабуля.

Да уж, вырвать у нее из рук бразды правления семейным бытом было просто невозможно. Но, что там кривить душой, от бабули Дружининой было действительно много пользы. Светлана за все эти годы смирилась с язвительными намеками в свой адрес, а то, что бабушка действительно полностью вела хозяйство, буквально развязывая Светлане руки своей помощью, следовало ценить. Если бы не Ольга Ивановна, Светлана не могла бы, к примеру, работать. А это было важ-

но – продолжать работать. Для того чтобы прокормить всю их большую и дружную семью, а также обуоть, одеть и отправить на летний отдых, одной только зарплаты Константина было недостаточно. И хоть работа бухгалтером на несколько фирм была хороша тем, что протекала преимущественно на дому, а все же ездить по предприятиям, налоговым инспекциям и фондам Светлане приходилось немало. Практически каждый день. И без бабушки она бы просто разрывалась между потребностями семьи во внимании и потребностями семьи в финансовом обеспечении. Любовь любовью, а кушать деточки хотели всегда. Да и бабушка любила правильно питаться, как уже было сказано.

Еще Ольга Ивановна очень любила лечиться, у нее был целый график приема разных препаратов, который она выработывала годами, причем сама, без помощи, так сказать, официальной медицины. Первоначально, конечно, какие-то таблетки от давления ей прописал участковый врач. Однако сколько с тех пор воды утекло! С годами привычка лечиться укрепилась и разрослась настолько, что это стало несколько пугать близких.

– Ты не понимаешь? Это может быть опасно! – возмущался Константин, видя, как его мать занимается самолечением.

– Да? А врачи у нас ничего вообще не смыслят, – язвительно возражала она. – Да и с чего бы им смыслить, ты же сам знаешь, как у нас на врачей-то учат. Так, что они потом в бухгалтера идут.

– Мама, ты просто невыносима, – устало возмутился Константин. За долгие годы семейной жизни он уже утратил всякую надежду заставить мать погасить огонь войны между ней и Светланой. Да, когда-то Света окончила второй МОЛГМИ, вернее, сейчас уже РГМУ им. Пирогова. Но жизнь распорядилась иначе, пришлось переквалифицироваться... нет, не в управдомы, но близко – в бухгалтеры.

– Нет, а что я? – делала круглые глаза бабуля. – Я ничего. Просто...

– Всегда есть какое-то «просто», да? – вздохнул Константин.

– Просто... – осекалась она. – В самом деле, зачем учиться столько лет, чтобы потом чужие балансы сводить на нашей кухне за три копейки? – все-таки договаривала она. Такие разговоры происходили с определенной периодичностью. Не такие уж три копейки зарабатывала Светлана, и бабуля в этом случае явно использовала свою склонность как повод отвлечь внимание сына от ее таблеток.

Каждый день часам к восьми, покончив с ужином и освободив оккупированную в течение дня кухню, Ольга Ивановна отбывала в свою комнату, неся на подносе стакан чая, бутылку воды и горсть разноцветных таблеток. Она уходила с гордо поднятой головой, показывая, что ее личный семейный долг выполнен полностью в отличие от долгов, наделанных другими...

Вечером кухня трансформировалась в кабинет, и кухон-

ный диван принадлежал целиком Светлане. Она раскладывала на столе свои бухгалтерские бумаги, открывала ноутбук и погружалась в четкую, структурированную рутину цифр и счетов. Она любила эти моменты. Одиночество – огромная проблема для человечества. Люди – существа социальные и, оставаясь один на один с собой, начинают метаться и скучать. Но для замужней женщины возможность остаться наедине с собственной персоной в большом дефиците. Что она может себе позволить? Одиночество под душем по утрам не считается, потому что кто-то обязательно будет долбиться в двери и требовать освободить помещение. В отдельных случаях родственники могут перейти к запрещенным приемам вытравливания человека из душа и выключить свет или горячую воду в стояке. Такое иногда делал сынок Кирюшка. Правда, в основном в отношении обожаемой сестры Олеси.

В общем, душ – это одиночество относительное. Что еще? Одиночество в общественном транспорте? Ха, как вы вообще себе это представляете? В нашем, московском транспорте, с нашим обществом! Может быть, дома, пока дети в школе? Да, иногда днем удавалось побыть в одиночестве, хотя чаще все-таки приходилось куда-то ехать, метаться, решать какие-то проблемы. В магазин сбегать, опять же. А кто побежит? Не муж же? И не бабуля, с ее-то гипертонией. Так что вечером, забравшись с ногами на диван и заперев за собой дверь в кухню, Светлана наслаждалась одиночеством на полную катушку. Раньше, когда дивана не было, Светлана не

выдерживала долго на стульях: болела спина, затекала шея, и приходилось уходить к мужу, в спальню. Теперь же можно было хоть весь вечер торчать на кухне в свое удовольствие. Или даже всю ночь. Домашние в кухню заходили только если водички налить, в основном каждый занимался своими делами. Все члены большой и дружной семьи Дружининых просто мечтали хоть немного побыть в одиночестве.

Муж вечерами дремал в спальне под шелест программы «Время» и ее аналогов, дочь Олеся, одна или с какой-нибудь подругой, торчала в детской, самой большой комнате в доме, громко смеялась и включала периодически какую-то неразборчивую и странную музыку без мелодий и голосов – только какой-то стук и визги. Кирюшка допоздна болтался где-то, хотя считалось, что он вкалывает на подготовительных курсах в институте. Этим летом он должен был уже поступать, а как ему это удастся, Светлана, хоть убей, не понимала. Почти все вечера он проводил у друзей, особенно у своего лучшего друга Бени, зачастую пропуская занятия на курсах. Учился он сомнительно, но держался на уровне хорошиста (тройка по физкультуре не считается) благодаря светлой голове, как говорил его учитель математики.

– Такую бы голову да в хорошие руки! – шутливо восклицал он, когда Светлана приходила на родительские собрания.

О, родительские собрания, как много в этом звуке для сердца материнского слилось, как много в нем отозвалось – преимущественно непечатными выражениями. Сколько их

было, этих собраний, в жизни Светланы, сколько их состоялось за те семнадцать лет, что она выполняла этот свой матерный... то есть материнский долг! Сначала в детском садике, потом в школе, а потом, когда Олеську тоже отдали в садик, собрания накрыли Светлану с головой. Два собрания в месяц, двадцать собраний в год.

Раз за разом одна и та же программа. На ежегодных сентябрьских – выступления заведующей или директора школы о том, как много было сделано и потрачено, и обещание сделать (и потратить) еще больше, на радость роно и Министерству образования. На классных – долгие перечисления оценок, комментарии по поводу успеваемости. Под конец собрания всегда выставлялся счет. За что? Ну, поскольку само образование у нас безвозмездное, то есть дармовое, счет выставлялся, к примеру, за подарки. Самим себе ко всяким праздникам, любимому директору и так далее. Забавно бывало слушать, как учитель просит собрать деньги на подарок учителям на День учителя. Но Светлана не возражала никогда и платила все исправно, в отличие от многих других родителей. И сидела, и внимательно слушала, особенно ту часть, что касалась ее собственных детей. Но если вы думаете, что Светлане это доставляло удовольствие, то вы ошибаетесь.

Когда говорили про Олеську, слушать было приятно или, по крайней мере, комфортно. Максимум проблем – случайный прогул раз в год и замечание, что «бесились» на переме-

не. Оценки в пределах нормы. По мнению Светы, по крайней мере. Что за проблема в четверках? Конечно, в классах были другие мамы, не работающие, с горящими глазами, с амбициозными мечтами если уж не в отношении себя, то в отношении собственных детей. У таких детей были белоснежные блузки, причесанные и аккуратно заплетенные волосы, сияющие тетрадки и потухший, затравленный взгляд. Дети Светланы такого счастья не имели, так что про них можно было услышать разное.

Когда от доски неслось: «Дневник не был подписан за три недели!» или «Что же вы не следите за домашними заданиями?», Свете оставалось только вжать голову в плечи и пережить косые взоры образцово-показательных мамаш. «Ну что поделаешь, если родители работают», – тихо шептала иногда Светлана, но ее доводов не принимали. Ее и таких, как она, осуждали, осуждают и осуждать будут. Так что собрания Светлана не любила.

Собрания в классе у сына она просто терпеть не могла и всегда норовила спихнуть эту почетную миссию на мужа. Дело в том, что Кирюша характером пошел в отца, был вспыльчивым, принципиальным и ленивым. И все это одновременно. Однажды, когда Кирюша был классе в четвертом, Светлана обнаружила в дневнике сына забавную запись, сделанную размашистым почерком красной ручкой. «Отказался строиться!» – возмущенно написала учительница. Константин хохотал над этим комментарием в голос.

– Мой сын! Мой! Я тоже ненавижу строиться.

– Да? – пыталась остаться строгой Света. – Тогда ты на его собрания и ходи.

– С удовольствием, – ответил гордый отец.

Но он кривил душой. Был случай, когда Константин и Светлана даже тянули жребий, решая, кому выпадет эта радость. Теперь же, буквально через полгода, попытка школьной программой для старших классов должна была закончиться для всех. Кирюшка, а вместе с ним и все остальные его одноклассники (под вопросом был только двоечник Семенов), заканчивали одиннадцатый класс, шли на ЕГЭ. Это, кстати, был отдельный кошмар. Ввели этот чудесный экзамен совсем недавно, никто толком не знал, как его, собственно, сдавать и к чему готовить детей.

– Думаешь, это справедливо, что я опять должен вспоминать, что такое логарифмы? – вопрошал отец, когда Кирюшка требовал помощи. – Я это уже один раз все проходил, за что мне это опять?

– Но мама вообще не может даже сказать, что это! – возражал сын.

– Это странно, потому что твоя мать вообще-то бухгалтер. Разве они не должны проходить математику?

– Минуточку, – встревала Светлана. – С какого это перепугу это вообще моя проблема? У нас был уговор: на мне все поделки, рисунки, уроки труда и русский язык. Математика – твоя.

– Но логарифмы! – стонал муж и тут же набрасывался на сына: – А как ты в институте собираешься учиться? Я что, и там за тебя буду домашку делать?

– Зачем делать? – обижался тот. – Ты хотя бы просто объясни, как решать.

– Объясни, – недовольно чесал за ухом Константин. – Если бы я помнил.

– А другие родители, между прочим, детям репетиторов нанимают, – встревал сынок, даже не пытаясь скрыть недовольства. О, это в их доме вообще было притчей во языцех – «другие родители». По Кирюшину мнению, «другие родители» – это такая большая группа невидимых и абстрактных лиц, которые делают для своих детей все так, как надо. В отличие от его собственных, доставшихся за какие-то, видимо, страшные грехи, родителей. Примеров «других родителей» у него было много, и на удивление эти примеры каждый раз трансформировались в соответствии с текущими Кирюшиными потребностями.

«Другие родители» нанимали репетиторов, не заставляли жить в одной комнате с вредной и вечно ябедничающей сестрой, отделиться от которой только поставленным поперек комнаты шкафом невозможно. «Другие родители» покупали новые кроссовки, невзирая на то, что и старые еще не сносились. «Другие родители» давали деньги на кино в любой момент и по первому требованию. «Другие родители» не требовали от ребенка поступления на бюджетное отделение.

ние, а спокойно и без претензий оплачивали обучение в престижных вузах.

Последнее замечание, если быть объективным, имело под собой реальные основания. Лучший друг Кирилла, большая для всех головная боль – Беня Орлович – одного с ним возраста, пола и мировоззрения, собирался учиться в МГУ, на платном, соответственно, отделении. О намерениях его родителей в лице матери и ее нового богатого мужа собственноручно намазать и раскатать дорогу в светлое будущее для своего Бенечки было широко известно. И крыть в ответ на претензии собственного отпрыска было нечем. Было бы здорово просто пресечь эту неприятную и выставяющую родителей в невыгодном свете дружбу. Запретить в зародыше, еще в первом или втором классе, со словами «не водись с ним, он тебя плохому научит». Но – поздно. Теперь Беня уже не учился в одной школе с Кириллом, на два последних школьных года он был переведен в престижную частную школу, в тарифы которой условно входило зачисление в МГУ. Можно было надеяться, что это классовое неравенство вобьет какой-то клин в отношения мальчишек. Но... этому не суждено было сбыться.

Дело в том, что Дружинины и Орловичи вот уже много лет как дружили семьями. Дружба семьями – это вообще-то довольно-таки интересный феномен. Кто сказал, кто обещал, что четыре разных человека обязаны раз и навсегда пропитаться взаимной симпатией? И с чего друзья мужа должны

обязательно понравиться жене? Не факт, верно? Так как же в здравом уме и твердой памяти можно предполагать, что жена не понравится не только друг мужа, но и его жена? Уж она-то – жена мужнего друга – вообще не пойми кто, совершенно чужой человек. Как и муж подружки жены. Сложно все это.

Муж Константин Светину подругу Леру Орлович не любил никогда, но давно смирился с ней, как смиряются с неприятными соседями по даче, от которых все равно никак не избавиться. Он улыбался, поддерживал разговор и даже делал комплименты, так что Лера Орлович могла бы поклясться, что Светкин муженек (этот тюфячок) просто души в ней не чаает.

Однако года два с половиной назад все изменилось, и делать комплименты стало сложнее. Дело в том, что Лера Орлович поменяла одного мужа на другого. Заменила, так сказать, старого на нового. В этом и была проблема. С ее старым мужем Михаилом Константин действительно любил дружить семьями. Да что там, с Мишкой они были знакомы сто лет, дружили еще до того, как оба «обженились», с институтских времен. С новым Орловичем – кажется, Георгием – он вообще и зняться не хотел.

Во-первых, Георгий не любил футбол и все остальные телевизионные виды спорта, благодаря которым большинство наших мужчин могут чувствовать себя в форме, не вставая с дивана и не вынимая из рук телевизионного пульта. Мишка с удовольствием мог проторчать у телевизора хоть три мат-

ча подряд, крича: «Давай, ты что, уснул!» и «твою мать, за такой футбол тебе надо ноги переломать». Мишка был свой, родной, простой и нормальный. Георгий же ездил на машине с шофером и считал, что в каждой квартире должна быть гостиная и столовая. Это, кстати, было «во-вторых».

Во-вторых, Георгий был богаче и значительно успешнее Константина. Дружинины толкались впятером в трехкомнатной квартире в Чертанове. Орловичи втроем (если не считать домработницу, которая приходила три раза в неделю) занимали две квартиры: старую, еще Михаилом купленную двушку рядом с Дружиниными, в Чертанове, в которой сейчас обитал только Бенья, и двухуровневую комфортабельную квартиру метров под сто пятьдесят в монолитной новостройке около «Кунцевской». Этот аргумент унижал достоинство Константина и окончательно отвращал его от дружбы с мужем-Орловичем.

– Ну о чем мне с ним говорить, с этим придурком! Тоже мне, сладкая парочка: Гера и Лера! Фу, мерзость! – возмущался Константин каждый раз, когда возникала необходимость ехать к Орловичам дружить. – Может, сказать ему о том, как нехорошо чужих жен уводить?

– Ее никто не уводил, ты знаешь, – каждый раз возмущалась Светлана.

Лерина семейная жизнь была запутанной до предела, но один факт был непреложным и легко доказуемым. Лера Орлович развелась со своим первым мужем чуть-чуть (месяца

на три) раньше, чем Георгий был представлен широкой публике. Мало кто знал, что Лера потратила примерно пятилетку, чтобы увести Георгия из семьи. Но об этом – ни слова. Ш-ш-ш!

– Знаешь, баба не захочет, мужик не вскочит, – выдавал чудовищную грубость Константин, обижаясь за Михаила. По его мнению, сам Мишка был мужик хороший, правильный, но слишком мягкий, и эта вобла разодетая (Лера, то есть) этим воспользовалась, выперла Мишку, чтобы только окунуться в атмосферу роскоши и разврата, которую для нее организовал этот новый Орлович.

– Он не новый Орлович! – справедливости ради вставляла Светлана. – У него другая фамилия.

– Ага. Вот именно, – торжествовал Константин. – Какая?

– Откуда я знаю?

– Если бы твоя подруга поменяла фамилию, ты бы ее знала. А она – нет, не поменяла. Опять.

– И что?

– Нормальная женщина, выходя замуж, оставляет девичью фамилию, только если знает, что будет разводиться, – делал вывод Константин.

– Ну, поживем – увидим, – уходила от дальнейших пререканий Светлана, защищая подругу. Она всегда ее защищала. И, кстати, Света знала, что фамилию Лера Орлович не меняла и не поменяла бы никогда вовсе не из-за разводов. По другим причинам, о которых ни она, ни сама Лера старались

не вспоминать.

Так уж сложилось, что их с Лерой Орлович связывало многое. Лера Орлович была для Светланы не просто подружкой, а лучшей подружкой вот уже кучу лет. Куча была такой большой, что если бы она была из снега, то вполне потянула бы на приличную лавину. И могла бы погresti под собой какой-нибудь малогабаритный альпийский горнолыжный отель. И все эти годы ей приходилось оправдываться за эту дружбу перед мужем.

– Если бы ей раньше подвернулся кто-то поинтереснее, она бы сбежала от Мишки еще до того, как Бенька в школу пошел, – фыркал муж. – Я никогда не мог понять, что между вами общего.

– Ну... многое, – пожимала плечами Света.

В действительности же муж был в чем-то прав. Лера и Света были такими разными, что, даже стоя рядом, предположим, на трамвайной остановке, они смотрелись бы очень странно. Собственно, этого бы никак не могло случиться. Лера уже много лет не пользовалась общественным транспортом, в то время как Света только им и пользовалась. Да и в остальном: невысокая, пухленькая (если не сказать грубее), вечно мечтающая похудеть Света с такими обычными карими глазами, шершавыми от таскания сумок ладонями, с обветренными губами и джинсами как минимум шесть дней в неделю. И Лера – высокая, худая даже по сравнению с Кейт Мосс, голубоглазая женщина с идеальной прической, на ко-

торуую ушло явно не десять минут, одетая не просто красиво, а по последней моде, презирующая джинсы как явление и считающая, что их надо запретить законодательно. Что между ними общего? Ничего, даже тем общих для разговора, если поискать, найдешь две-три. Совершенно ничего, кроме... темного и весьма далекого прошлого. Когда Света и Лера познакомились, политическая карта мира была несколько другой, а кое-где даже все еще принимали в пионеры. Правда, шли туда уже с неохотой.

Светлану с Лерой связывал полный набор совместных студенческих воспоминаний, а также многочисленные пуды соли, слоанные вместе. Еще (забавный факт) они обе родились и провели детство на реке Волге. В любой день лета, с июня по август, они могли за считанные минуты добежать до берега и окунуться в одну и ту же тягучую прохладную воду, и удовольствие от этого было одинаковым, но происходило это в совершенно разных городах: Самаре и Твери. Велика река Волга! Они познакомились только в Москве, в студенческом общежитии второго МОЛГМИ.

Но особенно крепко их связала совместная беременность. Так уж вышло, что восемнадцать лет назад они обе обнаружили, что беременны, в одно и то же время, с разницей всего в два месяца. Так что в первые годы, еще в общаге, они вместе растили Беню и Кирилла. С тех самых пор каждый год семнадцатого января семейство Дружининых ездило на день рождения Бени, чтобы потом, двадцать пятого марта,

принять Орловичей у себя в Чертанове.

– Может быть, хоть в этот раз поедешь сама? – взмолился Константин, когда услышал, что в этом году празднования будут проходить торжественно и парадно, в весьма фешенебельном ресторане на Садовом кольце.

– Нет, это невозможно, – помотала головой Света, лихорадочно соображая, что можно было бы надеть на такое пафосное мероприятие, чтобы не выглядеть позорно.

– Но почему? Этот новый Орлович... Я видеть его не могу. А там, наверное, припрутся его набитые купюрами друзья. – Тут Константин сделал пальцами обеих рук жест, ставший очень модным нынче и обозначающий кавычки. Конечно, откуда же у нового Орловича взяться настоящим, нормальным друзьям без кавычек? Если он даже футбол не смотрит.

– Припрутся, – согласилась жена. – Но я машину водить не умею, и что нам потом, домой на метро возвращаться?

– Я тебе оплачу такси! – щедро предложил муж.

– Ага, знаю я, как ты оплатишь. Когда я тебе озвучу сумму, ты скажешь, что за такие деньги ты меня самолично отвезешь на луну да там и оставишь, – хмыкнула Светлана. – Нет, так не пойдет. Все-таки Беньке восемнадцать лет. Совершеннолетие. Это лучший друг нашего сына. Мы их практически вырастили вместе.

– Это самый худший лучший друг, которого только можно представить для нашего сына, – устало продолжил ворчать

Константин, но уже более мирно.

– Ты лучше скажи, что мне надеть? – спросила Света. – Все-таки ресторан.

– Подумаешь, – фыркнул муж. – Стоит выделяться-то. Кого могут интересовать эти тряпки?

– Ну... меня хотя бы, – вздохнула Светлана и посмотрела на себя в зеркало. Было понятно, что от визита не отвертеться никак. И что удовольствия от этого визита, скорее всего, не получит никто.

Глава II

В обычные дни Валерия Орлович могла совершенно не волноваться о том, чтобы кто-то посторонний узнал ее настоящий возраст. Вокруг нее было так мало людей, знающих не то что год, но даже день ее рождения, что даже сама тема возраста всплывала крайне редко. Чтобы не дергаться каждый раз, Валерия еще до тридцатого дня рождения праздновать таковые как класс перестала вообще. А что такого? Кто сказал, что женщина обязана каждый год громогласно объявлять, на сколько лет она состарилась теперь? Да еще и праздновать это, как будто это такая радостная новость. Нет, лучше уж отметить на широкую ногу Восьмое марта, чем позориться с тортом и свечками. Однако ко дню рождения сына она относилась трепетно, как и ко всему, что касалось его.

– Все готово, – отрапортовал Валерии организатор вечеринок, нанятый ею для проведения дня рождения. Страшно подумать, восемнадцать лет.

– Допустим. Вы уверены, что ансамбль придет? – на всякий случай переспросила она, так как этот дурацкий ансамбль, играющий странную, грохочущую музыку, все время норовил отменить выступление. И что в них хорошего, в этих рок-музыкантах? Никакой пунктуальности, один только гоно́р и высоченный гоно́рар.

– Они гарантировали, – пожал плечами организатор.

Он не нравился Валерии, этот организатор, вспомнить бы еще, как его зовут. Он был какой-то мутный, вяленький. И никакого ощущения, что он в состоянии хоть за что-то отвечать.

– Но вы уверены в них? Вы с ними раньше работали? – сощурилась Валерия.

– Ну... – пробубнил он и затих, глядя на Валерию испуганным коровьим взглядом.

Она уже успела десять раз пожалеть, что наняла этого организатора, все равно все пришлось делать самой. И выбирать зал, и рассылать приглашения, и продумывать меню. Хотелось сделать все так, чтобы Бенечке понравилось, а это не просто – сделать все так, чтобы понравилось восемнадцатилетнему (почти) парню. Это вообще большой вопрос – как угодить, если единственное, что нравится мальчикам в его возрасте, это доступные девочки. Не могла же его родная мать подарить ему стриптизершу в торте? Она однажды подарила такой тортик своему тогдашнему боссу, после чего, кстати, получила место вице-президента компании. Да, Валерия знала, как обращаться с мужчинами, чтобы они делали все, что она хотела. Однако речь шла о ее единственном сыне, которого она обожала, в котором души не чаяла. И которому надеялась угодить.

– Уйдите, – скривилась Валерия, махнула на организатора рукой и продолжила беготню по ресторану.

Гостей должно было собраться много. И каких! Все они

– гости – ожидались настолько разнородными, что черт его знает, как их рассаживать и совмещать. Во-первых, гости сына: шумная толпа подростков, которые гарантированно переберут со спиртным, будут громко хохотать и материться. Во-вторых, гости мужа: высокопоставленные, серьезные, успешные, с которыми муж ведет дела.

– Я не думаю, что это хорошая идея, приглашать их, – пыталась возражать Валерия, когда муж внес в списки несколько нужных только ему фамилий. – Они вообще к Бене не имеют никакого отношения.

– Зато они имеют отношение ко мне, и пока я оплачиваю твои дорогостоящие идеи, буду приглашать, кого захочу, – категорично махнул рукой муж и таким образом создал проблему.

Мужчины вообще постоянно создавали проблемы, за всю жизнь Валерия имела несколько очень существенных поводов в этом убедиться. Но в данной ситуации она сделать ничего не могла. Списки приняла, скрестила пальцы и приступила. Она разделила столы так, чтобы при желании взрослая и молодежная компании могли разделиться на две малопересекающиеся группы. Благо ресторанный зал это позволял. Она отмела первый порыв пригласить контркультурную этно-рок-группу, названия которой не могла даже произнести. Что-то связанное с эльфами. Сын обожал эту группу, но такой музыкой можно было сразу прикончить карьеру мужа, так что Валерия решила найти золотую середину. И

пригласила какую-то вроде более традиционную рок-группу, последователей «Воскресения», которые вообще могли сорвать все и не приехать.

– Насколько все-таки проще иметь дело с джазовыми оркестрами, – жаловалась она мужу.

– Можно вообще нанять этих... которые обслуживают детские праздники. С гармошкой и носами, – хохотал Георгий. – И все будут счастливы. Особенно наша бизнес-часть. Знаешь, как мы любим читать стишки?

– Знаешь, Гера, я вообще не хочу в этом участвовать, – злилась Лера. – Ты натащил этих *vip*-ов, ты их и развлекать будешь. Бенья не должен превращать свой день рождения в твой бизнес.

– А эти твои Смешарики приедут? С ними никаких других развлечений не потребуется, – ехидно спросил Георгий, чтобы перевести разговор на другую тему. Смешариками он называл старых друзей жены, Дружининых, людей настолько далеких от них, или, вернее, людей, по его мнению, настолько *недалеких*, что дружбы с ними он понять не мог.

– Конечно, приедут, а как же, – с досадой пробормотала Лера.

Честно говоря, она бы предпочла, чтобы из всех Смешариков приехал только Кирилл. Ну, конечно, Светку она любила и была бы рада видеть... где-нибудь в другом месте, частным образом. Посидеть, поболтать, посмеяться, вспомнить прошлое (не все, конечно). Но на вечеринках Светка

выглядела как потерявшаяся учительница младших классов. Опять она придет в каком-нибудь диком наряде, вообще непонятно, откуда она их берет. И кто сказал, что прилично надевать черную шерстяную юбку и фальшивый жемчуг на водолазку? Кто придумал такую моду? Или эти трикотажные платья темных цветов, какая мерзость. Светка так и не научилась одеваться, как и ее муженек, добрячок Костик. Однако все это можно было, в принципе, пережить. В конце концов, Светка была чудесным человечком, искренне любила Леру, а таких людей, признаться, не так много на свете. Муж Гера, как и вообще мужчины, не считается. Это, знаете ли, совсем другая любовь.

Но самое неприятное в Светке было то, что она относилась к третьей и самой опасной категории людей, приглашенных на день рождения. Людей, которые прекрасно знают, сколько Валерии лет на самом деле. Хотя бы поэтому Лера нервничала каждый раз, когда Светка приезжала на какие-либо официальные мероприятия. А тут уж все совсем было плохо.

Сам факт, что твоему сыну исполняется восемнадцать лет, не может не бросать определенную тень на твою возрастную группу. Допустим, ты выглядишь прекрасно, и на вид тебе и тридцати не дашь, особенно если ты в изящном шелковом платье ручной работы, за четыре тысячи долларов, и к тому же уверена, что ни у кого не может быть такого же платья – оно сделано специально для тебя, на заказ.

С мыслями о том, что целая студия в Токио работала, чтобы создать твой образ, ты уверенно стоишь на десятиметровой шпильке и улыбаешься лицом в штукатурке от Dior. Но если тебе «нет и тридцати», то путем несложных вычислений можно предположить, что сына ты родила... м-м-м... в одиннадцать? Нереально, а это значит, что в любом случае все присутствующие на вечеринке гости поймут, что матери именинника как минимум должно быть лет тридцать пять. Даже в этом случае рожать пришлось бы в школе, но это хотя бы возможно с физиологической точки зрения.

– А ты скажи, что ты его усыновила, когда ему было уже лет десять. Что пожалела мальчонку! Тогда все сложится, – хохотнул Георгий, на что Валерия, покраснев от ярости, разразилась потоками гневных возгласов. Да, совершеннолетие сына можно было объявить официальным днем перехода в разряд зрелых женщин. Переход был нерегулируемый, стоя на котором Валерия чувствовала, что ее вот-вот собьет «КамАЗ».

– Да? Я забыла тебе сказать, что придет Михаил, – сказала Лера мужу уже практически накануне праздника, сделав вид, что просто забыла сказать об этом раньше. Хотя, конечно же, она помнила. Просто никак не могла выбрать удачный момент, чтобы обойтись без катастрофических последствий. Гера потемнел от злости.

– И как ты это себе представляешь? Я что, должен пожимать руку твоему бывшему? Может, мне его еще в щечку по-

целовать?

– Это Бенин день, Беня просил, чтобы приехал отец.

– Если судить по количеству денег, вложенных в твоего сына, я давно уже стал ему больше чем отец, – фыркнул Гера.

– Ты должен понять, – помотала головой Лера. – Мне это тоже неприятно, но ребенок хочет видеть родного отца.

– Ничего я никому не должен, – зло бросил Гера, но на этом разговор был закончен. Условно можно было считать, что Михаилу будут рады. Хотя он тоже прекрасно знал, сколько на самом деле Лере лет, ведь они поженились еще в те доисторические времена, когда Лера не заморачивалась скрывать свой возраст. Но имидж имиджем, а раз Бене нужен отец – она ему его устроит во что бы то ни стало.

Таким образом, уже два человека на вечеринке точно знали, сколько ей лет. Это уже много, но в итоге выяснилось, что есть и третий. Человек, который на предложение «третьим будешь?» просто обязан был ответить отказом и, кстати, обычно так и поступал. То есть поступала. Лерина мать. Ее, как оказалось, Беня пригласил сам.

– Но она же не разговаривает со мной?! – возмутилась Лера.

– Она сказала, что давно согласна тебя простить, – виновато пояснил Беня, когда выяснилось, что он проявил такую вот инициативу.

– Да? Что это с ней, через столько-то лет? – вздохнула Лера.

Мысль именно на совершеннолетию сына помириться с собственной матерью окончательно выбила Леру из колеи. Как ни крути, а Полина Эдуардовна точно знала Лерин возраст, потому что сама же ее и рожала.

– Это так глупо, что вы не общаетесь! – пожал плечами сын. – Сколько можно все передавать через меня? Поговорите уже напрямую.

– Последний раз, когда мы пробовали поговорить напрямую, она обозвала меня кокоткой! – напомнила Лера. – Кокоткой, боже мой. Интересно, из какого пыльного сундука она это слово достала?

– Ты же знаешь бабушку, – вступился внук.

– Я-то знаю. А ты знаешь, что она с тобой до трех лет встречаться не хотела только потому, что ты – мой сын?!

– Ма-ам, ну чего вспоминать. У меня день варенья, я бабушку хочу! – ласково забубнил Беня и приклонил вихрастую хитрющую голову на материно плечо.

Та растаяла моментально, Беня мог из нее веревки вить. Даже в вопросах семейных распрей. Ссора матери с бабушкой – это была старая и весьма неприятная для всех сторон история, сериал, тянувшийся много лет. Мать не разговаривала с дочерью, не ездила в гости, а всем старым знакомым говорила, что для нее дочери больше не существует. Это было болезненно, неприятно, но удобно. И со временем стало довольно-таки привычно. Однако с внуком Полина Эдуардовна общалась. Все детство (после трех лет) Беня ездил к

ней в Тверь на лето, привозил оттуда вишневое варенье и маринованные огурцы.

– Бенечка, а не можем мы с ней помириться сразу после твоего дня? – вздохнула Лера, уже понимая, что снова уступит. На протяжении долгих лет она пыталась помириться с матерью, но сохранить шаткие отношения дольше полугода не удавалось ни разу. А уж после того как Лера вышла замуж повторно, мать стала особенно резка. По вполне понятным причинам, о которых Лера предпочитала не думать. Достаточно уже было пролито слез. Столько лет прошло, сколько можно испытывать чувство вины?

– Мам! Ну ты-то хоть будь человеком. Бабушке одиноко, она скучает. Знаешь, она постоянно только о тебе и говорит.

– Примерно представляю, что она говорит.

– Ничего плохого, – торопливо заверил ее Бенья, из чего она сделала логичный вывод, что сын немного кривит душой.

– Ладно, приглашай, – вздохнула Лера, понимая, что к Светке и Михаилу прибавился третий призрак ее прошлого, родной, но крайне опасный человек, который не только знает о Лере все, но и любит об этом поговорить. Это была катастрофа, и она была неизбежна. Оставалось надеяться, что если проявить должное внимание и бдительность, то хотя бы удастся избежать озвучивания точной цифры. Чтобы все узнали, что Валерии Орлович месяц назад исполнилось сорок лет, допустить было просто нельзя.

Конечно, оставалась надежда, что Полина Эдуардовна, получив официальное приглашение на глянцевої открытке, смилостивится и не придет. Зачем, действительно, переться в Москву из далекой Твери? Можно же поздравить внука по телефону. Тратить деньги, которые, кстати, Лера же ей и посылала ежемесячно, как акт доброй воли. Но Полина Эдуардовна, расчувствовавшись, лично позвонила Лере недели за три до праздника и спросила, что подарить обожаемому Бенедикту. Таким образом, стало ясно, что бабушка придет. Они договорились, что бабушку с вокзала заберет водитель нового мужа Леры («тоже мне, какой барин этот твой...») и отвезет к Бене в Чертаново. Как можно было бы совмещать Полину Эдуардовну с Герой, да еще в их новенькой квартире, Лера даже и вообразить не могла. А теперь, стоя в центре празднично оформленного ресторанного зала и уставленно-го цветами, с полностью сервированными столами, Лера дергалась перед встречей с матерью. Кажется, они не виделись года три? Да и до этого, когда они виделись, ничего хорошего не выходило. И сердце Лерино неровно билось, наполненное нехорошими предчувствиями.

* * *

Первыми на вечеринку прибыли, конечно же, Дружинины. Светлана всегда была помешана на пунктуальности, так что они явились точно по расписанию, то есть в шесть ча-

сов десять минут, с приличествующим моменту опозданием. Чтобы, как говорится, не поставить принимающую сторону в неудобное положение. Но неловкость все-таки возникла, потому что к этому часу еще даже сам именинник не подошел.

– О, Светка! Привет, как дела? – растянула рот в «радостной» улыбке Лера, бросаясь к переминающимся на пороге Дружининым.

– Мы рано? Извини, – засуетилась Света (естественно, в каком-то непотребном сером трикотажном балахоне и дешевых костяных бусах).

– Нет-нет, хорошо, что вы приехали. Костик, ты отлично выглядишь, – прощebetала Лера, затаскивая Дружининых в зал.

– Ты тоже... сияешь. С именинником тебя, – расплылся в улыбке упитанный, чуть помятый жизнью Константин.

На секунду ей вспомнилось, как она впервые увидела Константина, еще там, в общежитии медицинского института, где Лера со Светкой жили вместе. Он был килограммов на десять худее, но в остальном уже тогда был милым, уютным, как югославский мягкий диван, и скучным, как книги о природе. Даже пузико, кажется, уже намечалось. Однако надо признать, что за восемнадцать лет он все-таки сильно изменился, это было заметно в целом. И это очень расстроило Валерию, ведь это означало, что меняется и она – ведь они с Константином были практически ровесниками.

– А Беня... его еще нет?

– Он вот-вот будет. В пробке задержался, – банально отмазалась Лера.

Света огорченно вздохнула.

– А мы хотели ему подарок вручить, – замялась Света, тебя в руках коробку с бантом. В этот момент что-то грохнуло за сценой, где настраивали аппаратуру для рок-группы, все-таки соизволившей приехать. И следом раздался чей-то залиvistый мат.

– Ого! – хмыкнул Костик. – Еще не наливали, а уже мебель крушат.

– Извините меня, – охнула Лера и побежала на звук катастрофы. – Подарок можно положить на стол.

– На стол? – удивился Костик, но Лере было уже не до него.

В следующий час на Леру валилось все подряд, а учитывая всю бесполезность и неорганизованность имеющегося в ее распоряжении организатора вечеринок, решать проблемы ей приходилось самой. Сначала прибыл Беня с бабушкой, и Лера малодушно пряталась на ресторанной кухне, уходя от настойчивых приглашений пасть на всепрощающую материнскую грудь.

– Мама, поговорим потом, ладно? – быстро бросила она, отцепляя по одному материны длинные пальцы от своего плеча. – Мне тут... надо... бежать.

– Бежать? – свела брови мать. И ледяным голосом добавила: – Это все, что ты умеешь. Бежать.

– Мамочка, ты не могла бы приглядеть за Бениными друзьями, – попросила ее Лера, сознательно избегая брошенного ей вызова и не понимая намек при всей его прозрачности.

Дальше одновременно явились все: с опозданиями и извинениями, которые надо было выслушивать; с цветами, которые надо было расставлять в вазы, которых не хватало; с подарками, которые гости требовали сразу же распаковать и обижались, когда Лера просила пока сложить их на специальный стол.

– Всему свое время, – качала головой она.

Получать подарки – это был отдельный пункт праздничной программы, но до него еще было очень далеко. Вся вечеринка слилась для Леры в один сплошной поток вопросов и ответов, улыбок, от обилия которых болело лицо. Михаил приехал, кажется, уже слегка принявший на грудь (за здоровье сына – святое), долго обнимал этого самого сына, шутиливо призывал его не верить женщинам, звал с собой на Белое море – летом, на катамаране, с палатками и гитарами, а на Леру даже не смотрел. Зато долго обнимался с Костиком. Тоже мне, друзья навеки.

– Надо же, как быстро детки-то растут, – начала было Светка, но эту провокацию удалось пресечь в зародыше.

Лера шумно предложила немедленно выпить за здоровье детей, и тема быстрого роста и прошедших лет была похоронена. Потом все сели за стол, начались тосты, по большей части банальные, из серии «чтобы у нас все было, а нам за это

ничего не было», но встречались и такие, за которые потом можно и по морде схлопотать. К примеру, Костик, Светкин муж, встал и предложил выпить за священные семейные узы, крепче которых нет на свете. Говорил он это, глядя на Михаила. И, в образовавшейся неловкой тишине опрокинув стопку, довольный сел на место. Гера сидел красный как рак и не ушел только потому, что Лера вцепилась ему в руку. Слава богу, Беня ничего этого особенно не понял, потому что ему было не до того. Он с Кириллом и другими ребятами активно что-то обсуждал, махая руками на другом конце стола. Увидев, что дядя Костя выпил, Беня улыбнулся, поднял бокал и выпил тоже. После чего все немного успокоились.

– Можно, теперь скажу я? – влезла Полина Эдуардовна. – На правах старшего поколения.

– Просим! – поддержали все, и пару минут Лера сидела в холодном поту, ожидая чего угодно. Однако мать, видимо, была настроена мирно.

– Дорогой Бенечка, – начала она, сделав только небольшую паузу и утерев соответствующие моменту слезы. – Дорогой внучек. Сегодня я хочу поднять этот бокал за тебя. Ты совсем уже вырос, тебе восемнадцать.

– Да уж, бабуль. Подрос, – хихикнул Беня.

– И как же нам отрадно видеть, что ты вырос таким богатырем. А ведь ты родился семимесячным. Такая крошка! – Тут бабушка снова принялась немножко рыдать, но, видя, что приглашенные начинают отвлекаться и ковыряться

в странных экзотических салатах (ни одного оливье, что за день рождения такой!), бабушка плакать временно перестала. — Бенечка, будь здоров и счастлив.

— Спасибо! — попыталась влезть Лера, но мать еще и не думала заканчивать.

— Твоя старенькая бабушка благословляет тебя на долгий жизненный путь. Будь честным и смелым, будь благородным, как мой муж, а твой покойный дед, которого ты, к сожалению, не знал. — Тут она повернулась и прожгла специально заготовленным огненным взглядом Леру. — Ты знаешь, тебя назвали в его честь.

— Спасибо, бабуль! — ласково крикнул Бенья, и все немедленно выпили. А потом еще и еще.

Рок-музыканты, кстати, тоже постоянно прикладывались к бутылке, но Лере было уже все равно. Она видела, что все идет в целом неплохо (мать в расчет не берем, это не лечится). Организатор вечеринок с бесцветным выражением лица попросил отпустить его пораньше, потому что... дальше была приведена какая-то невразумительная отмазка, смысл которой Лера не поняла и которую пропустила мимо ушей. Но она была рада избавиться от этого никчемного представителя человечества. Тем более что помочь он больше уже ничем не мог.

— А что насчет подарков? — спросил кто-то из гостей, когда все, уже изрядно подогретые и сытые, устали от бесконечных поздравлений. Про подарки Лера вообще напрочь забыла,

хотя к этой части мероприятия она готовилась особо.

– Да, действительно. Давайте откроем подарки! – с восторгом взвизгнули многочисленные Бенины подружки.

– Но, может быть, сначала торт? – растерялась Лера.

– Подарки, подарки! – скандировала молодая аудитория.

В итоге рок-музыкантам было разрешено сделать небольшой перерыв, и именинник принялся распаковывать подарки. Коробок на столе набралось множество, вечеринка была крупномасштабной, так что там имелось все, что только душе угодно. От Михаила, например, от настоящего своего отца, Бенедикт получил набор инструментов, включая какую-то тяжелую бандуру под названием «Болгарка».

– Настоящий мужик должен уметь делать все своими руками! – пьяно махнул рукой Михаил, поясняя мотивы такого дара.

– Спасибо, батя, – обнял Михаила Бенья.

Лера краем глаза отметила, что Бенья перерос Михаила на полторы головы и смотрелся как старший товарищ, утешающий чуть подвыпившего друга. А Мишка, оказывается, после их развода совсем как-то скис.

– Сынок! – прослезился Михаил, но на его место уже стремилась попасть бабушка. Действуя исключительно в традициях прошлого столетия и считая, что лучший подарок – это книга, бабушка преподнесла внуку старинную книгу сказок, напечатанную до революции.

– Но... – возмутилась было Лера, но волевым усилием за-

ставила себя заткнуться.

Книгу эту, с невероятными красочными картинками, с ятями, Лере в детстве читал отец. Она досталась ему еще от его матери, была невероятно редкой. Отец часто говорил, что после его смерти эта книга перейдет к Лере. Не то чтобы сейчас, когда отца уже так давно не было, Лере вдруг понадобилась эта книга. Однако в этом жесте, в этом подарке был еще один намек, еще один укол, еще один дополнительный упрек в числе тех, которыми мать бомбардировала дочь столько лет. Полине Эдуардовне было отлично известно, насколько дорога эта книга Лере. Она много раз отказывалась отдать ее ей, говоря, что Лера не заслужила и крошки от отца. Теперь вот и вовсе она подарила эту книгу Бене. Нет, дело было не в книге. Просто Полина Эдуардовна хотела сделать дочери больно, и ей это вполне удалось.

– Спасибо, бабуль, – обнял ее Бенья. Он скользнул по книге вполне нейтральным взглядом, положил ее к другим подаркам и потянулся к следующей коробке.

– Открой вот эту, – подсунула ему Лера ту, которую запаковала она сама. – Это от нас с Георгием.

– Да? – загорелся Бенья. Коробочка была небольшой, но красиво обернутой, с изящным бантом, под который была вставлена открытка. – Что тут, что тут?

– Прочти открытку? – предложила длинноволосая и, если говорить объективно, практически голая девица, опирающаяся на Бенино плечо. Лера, сколько ни старалась, так и не

смогла вспомнить ее имени и того, откуда она знает ее сына. Одноклассница? Не может быть. С такой грудью!

– Хорошо, – кивнул Беня. – Итак, «Дорогому сыну от любящей мамы. Желаю тебе самого фантастического будущего, громких побед и больших успехов. А наш подарок поможет тебе достигать своих целей». Как интересно, мам.

– Открывай уже, – покраснела от удовольствия Лера.

Беня развернул блестящую бумажку и открыл коробку. Он замолчал, и только голорукая девица истерично взвизгнула у него из-за спины.

– Что там, что там? – зашелестело со всех сторон. Лера обернулась к матери, та стояла со злым лицом и смотрела на дочь.

– Мам, это... Да? Это то, что я думаю? – взволнованно прокричал Беня, бросаясь к матери с объятиями.

– Ну-ну, ты меня задушишь, – рассмеялась Лера, прижимая к себе и целуя такого большого и неожиданно по-мужски сильного сына.

– Да что там, в конце концов?! – недовольно крикнул с дальнего ряда Константин.

– Это машина! Машина! – прокричал Беня с совершенно счастливым лицом, поднимая высоко в руке ключи на брелке. Тут молодежь зашумела и загоготала так, будто кто-то включил целый Ниагарский водопад в одном отдельно взятом ресторане. Взрослые тоже выходили из-за столов и с интересом заглядывали Бене в руки. Всех интересовало, что

именно за машина, какой марки, скольких лошадиных сил, с какой коробкой передач и где вообще, собственно, находится сама машина. Потом все как-то успокоились, разобрались, немного пришли в себя, снова разлили шампанское по бокалам, выпили, крякнули, закусили поданным горячим осетром и принялись распаковывать остальные подарки, хотя, конечно, что может сравниться с подарком сумасшедшей влюбленной матери, имеющей к тому же большие деньги. Как сказал кто-то в толпе гостей, это уж просто ни в какие ворота.

Глава III

Странный этот город – Москва. Огромный, но при этом – не резиновый. Проходной двор, грязь – но все о нем только и мечтают. Пробки – а между тем продажи автомобилей только растут. Сверху – серое небо, снизу – серый асфальт, а посередине – машины. Толпы стоящих в пробке машин – дорогих и дешевых, старых и новых, тонированных и украшенных тиффаниками и ромашками. Процент двадцать машин тут по делу, а остальные – так, для поддержания имиджа Москвы, самого сумасшедшего города в мире.

В крайнем левом ряду, сразу за нервно сигналившим в пустоту джипом и перед стремной тонированной «девяткой», вот уже сорок минут стояла салатная машинка, больше похожая на игрушечную – так она была мала. «Матиз» был результатом компромисса между пустыми карманами и уставшими ногами. Ирма долго и мучительно принимала это решение – купить автомобиль. И, по заверениям мужа одной ее хорошей подруги, решение она приняла в корне неверное.

– Лучше бы ты квадроцикл купила – можно было бы на рыбалку ездить. А это – какая-то крошка-картошка, а не автомобиль. У меня на велосипеде колеса больше! – смеялся тот, глядя, как Ирма с подругой упаковывают свои далеко не малогабаритные тела в салон «Матиза».

– Ты на велосипед в последний раз садился прошлым ле-

том на даче, когда у тебя водка кончилась. Уникальный случай в истории, когда пьянство привело к спорту, – заступалась подруга.

– А все равно, надо было «Опель» брать. Или уж, на худой конец, «Рено». Но не этот кружок «Умелые корейские руки», – упирался подругин муж, лишний раз убеждая Ирму в том, что замужество – это удовольствие сомнительное, и остается только радоваться, что ее саму пока что миновала чаша сия.

Когда Ирма только выбирала машину, она пыталась советоваться с людьми. В том числе и с подругиным мужем, но тот никак не мог понять и поверить, что для Ирмы разница в сто тысяч рублей является существенной. И что при ее доходах, расходах и общей экономической ситуации большего кредита, чем на «Матиз», не потянуть.

– Потом наплачешься, – заверил Ирму он, когда понял, что все-таки его мудрые советы остались не услышанными. – Больше выложишь за ремонт.

– Главное, что она ездит! – попыталась хоть как-то защитить свою зеленую малышку Ирма, однако уже через пару месяцев она начала догадываться, что подругин муж, мать его, все-таки был в чем-то прав. Из-за того, что колесики действительно были маловаты, меньше, чем у всех других на дороге, машину при достижении скорости восемьдесят километров в час начинало трясти и шатать не по-детски. Появлялось ощущение, что, если добавить газу, автомобиль либо

взлетит в небо, либо разлетится на части. Впрочем, в этом не было большой проблемы, потому что Ирма, начавшая водить машину только за месяц до покупки «крошки-картошки», старалась не гонять, то есть вообще никогда не ездить со скоростью больше чем пятьдесят километров в час. За что, кстати, частенько бывала жестоко освистана коллегами по магистралям. Второй минус, собственно, и заключался в том, что маленькие машины на дороге были всеми презираемы и игнорируемы, как будто они – что-то не более значимое, чем чья-то валяющаяся на дороге канистра.

– Куда выперлась! – орали особенно нервные коллеги. – Сиди дома, компот суши!

– Сам козел, – робко пищала Ирма себе под нос, стараясь не расплакаться, когда ее машинку в очередной раз кто-то окатывал ушатом жидкой грязи из-под колеса. Маленький автомобиль – до старости запчасть, и размер имеет значение – да? Зато дэушку было удобно парковать. Это был плюс. А в пробке стоять – никакой разницы, сколько бы у тебя ни было лошадиных сил. Кстати, в результате наблюдений за поведением мужчин на дорогах Ирма пришла к выводу, что зачастую у сильного пола не только силы были лошадиными, но и мозги. А у некоторых вообще – ослиными.

Но самый главный минус состоял в том, что, как выяснилось, Ирма боится водить. Да, это было неприятное открытие. И совершенно неожиданное, если честно. Потому что раньше, когда ей случалось на своих двоих притаскивать до-

мой пакеты с продуктами из «Ашана», когда руки отваливались, ноги мокли, а голова заболела, она была уверена, что за рулем автомобиля она будет просто счастлива. Эта же уверенность сохранялась, пока она осваивала искусство жать на педали.

– Добро пожаловать в дурдом! – приветствовал своих учеников инструктор, особенно подчеркивая, чтобы они не радовались, потому что все они тут теперь – потенциальные убийцы и жертвы ДТП.

– А мы будем аккуратно, – высказалась как-то Ирма, за что была предана осмеянию и публичной казни. Принцип «не ты, так в тебя» не терпел исключений. Но даже тогда, обливаясь потом за рулем тренировочного «Хендая», Ирма верила, что с каждым днем приближается к светлому будущему. И вот теперь ее светлое будущее стояло, облепленное жидкой, промасленной дорожной грязью, сдобренной реагентами, и уже сорок минут ждало, когда откроют наконец МКАД.

– Что ж за суки! – кричал кто-то, выйдя из автомобиля на проезжую часть. – Пусть сгорит в аду ваша Рублевка!

– Согласен. Курить есть? – высунулся еще кто-то.

Люди выходили на дорогу, разминали затекшие конечности. Ирма сидела и нервничала, раздумывая над философской проблемой отсутствия на наших дорогах туалетов. Сорок минут – а впереди вечность. И МКАД закрыт, и вечерет.

– Алло, привет, заяц, – пробормотала Ирма, набрав номер сына, чтобы хоть как-то отвлечься.

– Я какал, а щас деда будет делать галяцию. А ты где? – радостно отрапортовал сын.

– Везет! А я стою по делам, – вздохнула Ирма.

– Стоишь по делам? – удивился сын столь странной формулировке. Однако, то, что делалось на дорогах, по-другому и назвать-то было нельзя. Все тут куда-то стояли. Кто на работу, кто домой. Кто по делам. Ирма стояла и по делам, и по дружбе. Она должна была заехать к подруге, отвезти ей документы, полученные в налоговой инспекции. А после, если, конечно, не придет с работы подругин муж, можно будет и поболтать.

– А как твое горло, Пашка? – спросила она, втайне надеясь, что вскоре снова сможет отправить ребенка в сад.

– Хриплю, – гордо поделился он.

Пятилетний сын Ирмы, Паулас, ненавидел садик и боролся с ним собственными методами. Он постоянно болел. Ирма просто ненавидела, когда ей приходилось оставлять Пашку дома, с бабушкой и дедушкой. Особенно ненавидела потому, что ей приходилось это делать чуть ли не постоянно. Дед с бабушкой были слишком старыми, слишком хрупкими и, что уж греха таить, слишком ворчливыми и неуправляемыми, чтобы это позитивно отражалось на воспитании Пауласа. Дед разговаривал с внуком только по-литовски, хотя знал, что бабушка ненавидит, когда он так делает.

– Он – москвич. Сидел бы ты в своей Литве, там бы и говорил.

– Я бы и сидел, если бы не ты, – отмахивался дед. – И вообще, Паулас должен знать свои корни.

– Павел, – тут бабушка делала акцент, подчеркивая русскость имени, – должен знать таблицу умножения. Мы, русские, не так зациклены на...

– Да что ты? И с каких это пор хохлы стали русскими, – смеялся дед.

Когда-то, еще в Советском Союзе, когда была только одна нация – советский человек, дед приехал в Москву из Клайпеды, чтобы поступить в МГУ на мехмат. С тех пор так уж получилось, что дед ни разу не был на исторической родине, хотя частенько вспоминал морской берег, струящийся между пальцами белый песок и шумящие над головой высокие сосны. Однако к старости он стал чересчур сентиментальным и совершенно невыносимым, с бабушкиной точки зрения.

– По крайней мере, мы – славяне, – обижалась бабуля.

– Да уж, спасибо хоть, что не евреи, – хохотал дедуля. И все эти разговоры, при всей их бессмысленности, постоянно происходили прямо при маленьком Паулase, который воспринимал их как нечто само собой разумеющееся. Снег идет, вода льется, дедушка ругается с бабушкой. Все идет своим чередом.

– Паш, давай уже выздоравливай, – вздохнула Ирма, ду-

мая о том, как все-таки было бы хорошо жить отдельно. Ее родители – еще один пример, почему НЕ нужно стремиться замуж. Зачем, в самом деле? Чтобы вот так ругаться всю жизнь? Нет, почему ее папа, Юргис Пятрулис, в свое время женился на ее маме, Оксане Горенко, она прекрасно понимала. Папе тогда уже было сильно за сорок лет, он не был ни разу женат, детей не нажил, работал начальником отдела на заводе, где не было возможности ни за какие коврижки раздобыть приличную литовскую девушку. А зачем это было нужно бабушке, Ирма не понимала. Всю жизнь мама только и делала, что жаловалась на отца и кляла свою горькую судьбу.

– Мам, а купи еще пастилы, а? Я тогда сразу выздоровею, – внес предложение Павлик.

– Может, я тебе лучше горчичник куплю? – усмехнулась Ирма. – Или ремня всыплю, за то, что ты лед из холодильника жрал.

– Я только один! – возмутился Пашка. Ирма усмехнулась. Хитрец. Шести лет нет – а хитрит и запутывает следы.

– Ладно, давай иди и лечись. И не нервируй дедушку.

– Да-да, у него подавление, – покорно вздохнул сын.

– Не подавление, а давление, – хихикнула Ирма и положила трубку.

Да уж, растить сына – не самое простое занятие на свете, но сколько прикольного в этом. Особенно если учесть, что нет никакого дурацкого мужа, который бы портил все удо-

вольствие, нудел, командовал, изменял бы и деньги прятал. То еще развлечение. Ну что, когда уже кто-то хоть куда-то поедет? А то впору выйти, выкинуть к черту эту машину и пойти через весь город домой пешком.

– На московских изогнутых улицах помереть, знать, судил мне Бог, – промурлыкала она себе под нос, как вдруг (о, чудо!) джип впереди нее дернулся и тихо покатился вперед.

– Открыли, что ли? Козлы! Все рыла рублевские проехали? – прорычал мужик из старенькой «Волги», заводя движок. Ирма выдохнула, закрыла окошко машины, завела движок и включила первую передачу. Да уж, если когда-нибудь Россию ждет новая революция, она начнется в пробке на МКАД, в районе Крылатского. Впрочем, Ирма революцией не интересовалась, у нее было свое, особое мнение на этот счет. Она хотела жить по-своему.

Ирме было двадцать два года, когда родился Паулас. Его появление стало для всех настоящим сюрпризом. Возможно, что это стало сюрпризом даже для самой Ирмы. Никто и никогда не слышал об отце Пауласа, а когда кто-то из более-менее близких друзей и подруг Ирмы осмеливался поинтересоваться этой незначительной деталью ее биографии, она смеялась и говорила, что это было непорочное зачатие. А что – один раз было, второй раз не может?

– Ирма, как ты можешь? Это же богохульство! – возмущались некоторые.

– А вы в Бога верите? Ну, а я – нет, – поясняла она. – А

не хотите слушать ересь, не задавайте глупых вопросов. Или вы думаете, что, если бы я хотела вам рассказать все грязные подробности, я бы не сделала это по личной инициативе?

– Ну, Ирма! – восклицали все. Включая ее стареньких родителей. Для них проблемы начались сразу после рождения Ирмы, и их поток не иссякал с течением лет.

Ее ждали, ее хотели, она родилась, как героиня русской сказки, на закате жизни обоих родителей. Юргису было уже за пятьдесят, а матери около сорока, когда им на руки положили кричащую и негодующую грудную Ирму. В отличие от сказочной Машеньки, Ирма покорно сидеть на печи не хотела и утехой родителей на старости лет становиться не спешила. Еще не научившись ходить, Ирма уже имела свое мнение по любому вопросу. И мнение это порой просто поражало своей нестандартностью. К примеру, ее отец, как уже было сказано, имел прекрасное образование. Окончил МГУ с отличными результатами, а школу в Клайпеде в свое время вообще с золотой медалью. Мать тоже – инженер, с высшим образованием, уважаемый человек, со стажем и персональной пенсией. И что? Заставить Ирму учиться было просто невозможно, хотя, как говорили учителя, у нее нет и не было никаких проблем с мозгами.

– Она просто не хочет. Не желает, понимаете! – из года в год возмущалась ее учительница. – Она считает, что это все – пустое!

– Пустое? – негодовал Юргис. – Пустое?

– А что, нет? – спокойно отвечала Ирма. – Сколько сил и нервов, а что на выходе? А чем, собственно, плохи тройки и четверки? Ты хоть знаешь, папа, что для того, чтобы быть отличницей, надо быть подлизой? Нет уж, мне и так хорошо.

– Тебе хорошо? А я тебя телевизора лишу, в комнате посажу – будет тебе хорошо, – злилась мать. В годы Ирмино детства они с мужем были поразительно едины во всем, кроме разве что вопроса, в кого это Ирма пошла такая упертая. Откуда у нее это свое мнение, черт бы его побрал.

Потом, уже в юности, когда Россия вдруг в одночасье стала православной страной, и даже мама Ирмы покрестилась и надела на шею маленький серебряный крест на цепочке, Ирма вдруг вздумала быть атеисткой.

– Пока что я не решила этот вопрос. Спешить не буду, – сказала она, как отрезала. И категорически запретила матери брызгать комнату святой водой и крестить Пауласа.

– И правильно, дочь, – одобрил ее старый коммунист Юргис, который крах коммунистического учения воспринял весьма болезненно.

– Я, может, вообще, в католики пойду. Или в буддисты. Я должна решить сама, если сочту нужным, – ответила она, заодно огорчив и отца. Ирма выросла совсем уж самостоятельной и непослушной. Иногда ее просто было сложно понять. Она выполнила основной категорический наказ отца и матери: поступила все-таки в институт, хотя и в этом сделала все по-своему, не пошла туда, куда ей говорили, – на эко-

номиста или врача, а по собственной доброй воле выбрала агрономический факультет Тимирязевской академии.

– Почему ты хочешь быть агрономом, дочь? – бесновался отец.

– Буду растить хлеб. Разве плохо? Может, меня литовские предки зовут, фермеры, – смеялась Ирма.

– Но у нас сельское хозяйство практически умерло, – разводила руками мать.

– Будем реанимировать, – заверила их Ирма и действительно отучилась до самого конца, к вящей радости родителей.

Они прослезились на вручении диплома и почувствовали, что выполнили свой долг уже почти полностью, за одной малостью, которая сильно беспокоила их обоих. Для полного счастья оставалось только выдать Ирму замуж. Вот уж после этого они смогли бы, как говорится, с чистой совестью и... нет, не умереть. Умирать они оба даже и не собирались. Наоборот, после того, как Ирма вышла бы замуж, жизнь для старичков Пятрулисов только бы началась. Они бы смогли развестись.

– Я так устала стирать твои рубашки!

– Я больше не могу слушать твою болтовню.

– А мне надоели твои вечные песни про Литву. Вот бы ты туда уехал.

– Без тебя – хоть в Сибирь!

Да, совместная жизнь родителей Ирмы зашла в тупик.

Они явно не были одной из тех пар, которые, отмечая годовщину свадьбы, садятся вместе обнявшись и умиляются, вспоминая, как встретились в первый раз. Юргис и Оксана устали друг от друга, однако выдать Ирму замуж было совсем не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Во-первых, они все-таки жили в России, где мужчины женятся совсем не так охотно, как, скажем, в Таджикистане. Да и капризов у русских мужчин много. Это если не брать в расчет то, что отец Ирмы мечтал выдать ее замуж за литовца, которого вообще было непонятно где брать. Во-вторых, Ирма с ее характером представляла собой отдельную проблему. Она вообще не хотела замуж. И не хотела тихого семейного счастья, которым ее так соблазняли родители.

– То-то я на вас гляжу с вашим счастьем. Знаете, дорогие родители, все это больше похоже на каторгу. Семейные узы, знаете ли, те же цепи, – смеялась она, отказываясь знакомиться с сыном Марины Федоровны из третьего подъезда.

– Но что тебе стоит просто посмотреть! – возмущалась мать.

– А чего я там не видела? Очередного придурка?

– Ну почему придурка?

– Потому что все они – придурки. Мне и одной хорошо, – говорила Ирма.

За все годы ее студенческой юности ее можно было только пару раз заподозрить в проявлении романтических чувств, но и те закончились ничем. Потому что, в-третьих, и в-глав-

нейших, Ирма была некрасива. Не то чтобы она была уродлива, нет. Она могла бы быть даже мила, если бы прилагала к этому какие-то усилия, однако, как вы понимаете, она этого не делала. Большинству девушек этого и не требуется, потому что юность красит лучше любого визажиста, однако смешение столь чуждых друг другу кровей дало свои результаты. Ирма унаследовала от отца светлые тонкие волосы, ломкие и такие непослушные. Скандинавские голубые глаза, будь они чуть дальше друг от друга, а лучше, чего уж там, вообще размещены на другом лице, могли бы стать безусловным достоинством, но с русским носом-картошкой, тяжелыми, какими-то даже татарскими (откуда что берется) скулами и низкой линией бровей даже сияющие голубые глаза не могли изменить положения. Лицо было грубоватым, как будто его вылепили не из глины, а из цемента, да работал к тому же подмастерье. Лицо вышло круглым, чересчур румяным, а подбородок был слишком массивным для женщины. Короче, несмотря на белизну волос и голубизну глаз, Ирма никогда не привлекала к себе взглядов противоположного пола. Разве что по пьяни, но этого она терпеть не могла, получив вместе с генами отца его же гордость и уважение к себе. Она вполне могла бы занять место той самой некрасивой подружки, которую вечно таскают с собой, но предпочитала оставаться в одиночестве.

Все это, вместе с не слишком высоким ростом и тяжелой костью, понижало ее шансы на победу в конкурсе на лучшую

подписать в книге регистрации браков. И она, по-видимому, решила не участвовать в нем вовсе.

– Что я, сама не справлюсь? – пожала плечами она и в один прекрасный день сообщила родителям, что они вскоре, вместо того чтобы развестись и наконец поплыть на постаревшем паруснике в бесконечно одинокую даль, станут бабушкой и дедушкой.

– Что? Как! – вытаращились они, силясь понять, каким это ветром, понимаешь, надуло проблему.

– А почему бы вам не обрадоваться. Будет внук. Или внучка.

– Опять? Еще чего не хватало, только внук! – возмутился старик Юргис, в очередной раз не заметив, как загорелось застарелой обидой лицо его жены.

– Спасибо на добром слове, отец, – хмыкнула Ирма.

Через некоторое время она действительно родила внука, причем тоже отчебучила (куда уж без этого) – заявила, что не желает рожать, как все нормальные люди, в роддоме, а планирует это делать самостоятельно, в компании какой-то сомнительной народной акушерки, в воду.

– Только не в моем доме! – категорически уперся отец, однако чтобы справиться с Ирмой, которая что-то твердо решила, – столько у него не было ни сил, ни здоровья. Так и появился на свет внучок, как-то незаметно и тихо, в эмалированной ванне их раздельного санузла двухкомнатной квартиры в Чертанове, похоронив, таким образом, старики-ковские

мечты о скором разводе. И снова инстинкт продолжения рода слепил этих столь разных и по форме, и по содержанию людей в одно целое. Снова из этих кирпичей была возведена стенка в ячейке общества.

Семейство Пятрулис продолжило ругаться, ворчать, обвиняя друг друга в погубленной жизни, в бессмысленно растраченных годах, в мозолях на руках и прочих проблемах со здоровьем. То, что годы прошли бы в любом случае, все как-то случайно забыли. Короче, они просто снова стали жить вместе, удобно полагая, что этим самым приносят себя в жертву. Но если бы им случилось быть объективными, то обнаружилось бы, что вот уже много лет и даже десятилетий они являются и смыслом, и содержанием жизни друг друга. И что бы они делали, куда бы дели собственную не растраченную еще до конца жизнь без сумасбродной дочери и особенно без непонятно откуда взявшегося внука, Пауласа, Павлушки, или как кому будет угодно его называть, в котором, хоть никто и не признавался в этом, души не чаяли все.

Когда маленькая салатовая, похожая на букашку машинка выезжала с МКАД, Ирма скрестила на всякий случай пальцы – сотрудник ГИБДД все еще стоял около узкого выезда и в любую минуту мог снова властной рукой взять да и перекрыть дорогу, разрушив хрупкое автомобильное счастье. Чтобы неповадно было.

– Ух, ну наконец-то, – выдохнула она, проехав наконец опасный участок. Она подняла с соседнего сиденья телефон

и набрала телефон подруги.

– Ну что, я, кажется, сдвинулась с места. Но мне еще ехать и ехать. Ты как, свободна?

– Слушай, а давай в кафе посидим, а? – попросила ее подруга. В ее голосе Ирма услышала знакомые нотки беспокойства.

– Что-то опять случилось? Рассказывай.

– Да ничего особенного, – вздохнула подруга.

– Ты что, плакала? – предположила Ирма. – У тебя такой голос странный.

– Да мы тут... с мужем...

– А, ну все понятно. Господи, ну почему ты заставляешь женщин так мучиться! Это все из-за яблока, да? Ты жадный, Господи, да? – придуривалась Ирма, но знала, что муж ее подруги – совсем даже не самый плохой вариант. Просто нудный, как и все мужчины. Семья – тяжелый крест.

– Просто мы вчера на день рождения ходили к Беньке, ну, ты помнишь, к Лериному сыну... – всхлипнула подруга.

– Да, я помню. И что? Костик нажрался? Плюнул в нового Орловича? – хмыкнула Ирма, но тут же заткнулась. – Светк, ну что ты?

– Знаешь, Лерка подарила Беньке машину, а Костик пилит меня. А вот ты скажи – я-то тут при чем? Я-то никому машин не дарила. И мне, заметь, тоже никто ничего такого не дарил. А он все утро мне мозг рушит! – захлюпала в трубку Светка Дружинина, хорошая-прехорошая Ирмина подруга.

А на заднем плане, как из трубы или из железной бочки, раздался голос Константина. Тот возмущенно ворчал, что, мол, давай, Светлана, позорь меня перед чужими людьми. Мало я позора вчера от собственного сына накушался, так теперь еще пусть все люди знают.

– Давай в кафе! – быстро согласилась Ирма и повесила трубку. Посмотрела в зеркало заднего вида, подумала – как же все, в сущности, сложно и трудно в семейной жизни. Улыбнулась самой себе и тихонько порулила в Чертаново.

Глава IV

Константин громко кричал, требуя одновременно и немедленного ответа на свой вопрос, и оставить его в покое, потому что он, видите ли, больше не желает об этом говорить. Вставить хоть одно слово в этот бурный поток было просто невозможно. Половодье сносило все плотины, оставалось только обхватить себя двумя руками вокруг плеч, закрыть глаза и надеяться, что стихия пройдет рядом и, чудом не задев, оставит сидеть на берегу.

– Она что, с ума сошла?! – бушевал он. – Ты знала? Ты знала?

– Я...

– Я так и думал, что не стоило туда ходить. Она просто ненормальная, помешанная на собственной крутизне идиотка. Ты должна была меня предупредить. Я вообще всегда знал, что ваша дружба до добра не доведет. Как можно дарить парню машину? Да еще вот так, при всех!

– Но...

– Она не понимает, что она его этим портит? Не понимает? Нет, ты скажи?

– Кось...

– Я не хочу больше ничего слышать. Как я, по-твоему, должен это объяснять нашему сыну? Вот сама теперь и разбирайся. Я вообще слова не скажу.

– Ты почему на меня кричишь? – вдруг смогла выдать из себя Светлана, поймав маленькую, случайно образовавшуюся паузу.

– Я не кричу на тебя, – как ни в чем не бывало отсекся Константин.

В этом была великая мудрость, его отточенная до мелочей тактика. Отрицай все, чего бы ни случилось. Отрицай крики, отрицай обвинения, отрицай каждое сказанное тобой слово так, словно бы ты его и не говорил. Что скажешь на это? Нечего? То-то же! Света сидела на краешке двуспальной кровати в своей квартире и чувствовала полное бессилие и даже какое-то извращенное равнодушие к происходящему. Какие тут могут быть разумные доводы? Ее подруга подарила сыну машину. Казалось бы – ну и что? Да, конечно, надо признать, не самый обычный подарок. С другой стороны, у Лерки сын один, отношения у них сложные, денег полно, а чувства вины – еще больше. Вот и старается мамаша, компенсирует. Ее же дело, и деньги ее. А если не ее, то ее мужа, нового Орловича. При чем тут Светлана?

– Ты кричишь. И не даешь мне слова сказать.

– А тебе просто нечего сказать! – фыркнул Константин.

– Нет. Я могла бы...

– Не стоит. Не тревожься. Я не хочу слушать всякие глупости, – бросил он быстро и еще быстрее оставил комнату.

Глупости, которые он так не хотел слушать, заключались в их пятилетнем «Форде», припаркованном на привычном

месте во дворе дома, под фонарем. «Фордик» устарел, в нем не было климат-контроля, АБС, каких-то еще мелочей, типа датчика дождя.

Константин давно уже хотел машину поменять, для чего в последние полгода регулярно покупал разные автомобильные журналы, которые зачитывал до дыр, как домохозяйки зачитывают «Лизу». Выяснял соотношение цены и качества между «Рено» и «Опелем». Или «Мицубиси» и «Тойотой», хотя их брать он не собирался в принципе. Дорого. Сейчас этот процесс шел к своему логическому завершению, и в настоящий момент Константин уже полностью остановился на «Опеле», выбрал модель, нашел самое дешевое место, где можно было бы не только купить машину в кредит, но и получить в подарок комплект зимней резины. В общем, дело было на мази, Константин потирал ручки, мечтая о круиз-контроле, хорошей CD-магнитоле и прочих благах цивилизации, а их сын Кирюшка вовсю раскатал губу на папин «Форд». В этом-то, собственно, и была проблема. Старый «Форд» папа собирался продать и таким образом погасить первый взнос за «Опель». Намерений осчастливить сына пятилетней иномаркой в отличном состоянии у Константина не было. В этой связи у них дома часто возникали разные мелкие и средние очаги возгорания.

– Ты мог бы и обо мне подумать! – возмущался Кирюшка. – Другие-то думают о своих детях! Заботятся.

– Плевать мне на других, – пожимал плечами Констан-

тин. — Другие могут хоть Луну детям с неба достать, а мой сын на свою первую машину должен заработать сам. И это будет какой-нибудь «жигуль», как у всех нормальных людей.

— Я ненавижу «Жигули».

— Тоже мне, цаца, — хмыкал папаша. — Какая разница, все равно ведь покорежишь. Первая машина должна быть попроще, чтобы не жалко было бить. И вообще, с чего бы тебе сразу иномарку? А впрочем — заработай и покупай что хочешь!

— А я и заработаю. Вот увидишь. Обойдусь без тебя!

— Ага, посмотрим, — глубокомысленно заявлял Константин.

— Зачем вообще было нужно рожать детей, если ничего для них делать не хочешь? — в бессилии и обиде бросал Кирюшка, а дальше либо он хлопал дверью и уходил, либо отец. Либо приходила бабушка, принималась жалеть внука и подливать масла в огонь. Но такого громкого и огнедышащего скандала, как вчера ночью, после знаменательной вечеринки у Леры и ее прекрасного сына Бени, Светлана и припомнить не могла. Всю дорогу домой, сидя в «Форде», Кирюшка молчал, насупившись, и смотрел в окно, думая о чем-то своем. Светлана могла бы поклясться теперь, что ее сын всю дорогу домой думал и анализировал, какие ужасные родители ему достались. На свет божий были извлечены и очищены от пыли и невыносимые уроки музыки, и отказ водить его на плавание из-за удаленности бассейна. И порка ремнем за двой-

ку по математике в четверти (восьмой класс). И все некупленные джинсы и игровые приставки.

– Я бы хотел родиться у кого-то другого, – сказал Кирюшка, когда безмолвный «Форд» почти доехал до дома. И дальше началось. Не стоит передавать все сказанные друг другу слова, чтобы понять смысл. Кирюша хотел всего лишь «Форд», такую малость. Он не просил о чем-то большем, таком, как «Лексус» у Бени. Он не просил отдать его в МГУ на платное отделение. Он даже не жаловался на плохие гены, которые гарантируют ему раннее ожирение и пристрастие к алкоголю. Он только надеялся, что он, единственный сын (дочь не в счет), тоже имеет право рассчитывать на что-то стоящее в день своего восемнадцатилетия.

– Ах ты засранец! Да после таких слов ты получишь у меня в подарок сапоги кирзовые и лопату. В армию тебя надо, мерзавца, – немедленно отреагировал отец.

Переходный возраст, гормоны, подростковый максимализм – все это для Константина было не больше чем пустые слова. Он воспринимал все, что происходит, за чистую монету. Так же, как и Кирилл. Ядерный взрыв не заставил себя ждать. Кирилл с криками «Я не хочу тебя больше знать» заперся в комнате, отказавшись пускать туда даже сестру, которая вообще-то жила в ней на равных с братом правах, и весь вечер (вернее, получается, ночь) грохотал какой-то стремной музыкой, периодически проходил по коридору до кухни или туалета с каменным лицом, делая вид, что никого

и ничего нет вокруг. А Константин демонстративно лег спать и даже действительно уснул – с ним это вообще происходило достаточно легко. Наутро, проснувшись со свежей головой (утро вечера, как известно, мудренее), отец выдал ответ на все вопросы. Придумал во сне, прямо как Менделеев свою таблицу. Константин проснулся, открыл глаза, повернулся к любимой жене и сказал вместо доброго утра:

– Это все твое воспитание!

– Что? – с трудом продрала глаза Светлана.

И понеслось. Светлана оказалась виновата во всем. И в том, что сын Кирилл вырос эгоистом, и в том, что подружки у Светы плохие, и что из-за нее теперь Костя должен чувствовать себя совершенно ужасно. И что делать – не отдавать же действительно мальчишке «Форд» только потому, что богатые тоже плачут и сходят с ума. А если завтра Лерке этой дурачкой в голову придет подарить своему оболтусу загородный дом? А если она купит ему собственный бизнес? Или бриллиантов кучи? И что это за глупости вообще – такое воспитание. Мужчину нужно испытывать трудностями...

И дальше по списку, пока все не вымотались, не устали, не успокоились. Если состояние, в котором они все оказались, можно назвать спокойствием. День пошел наперекосяк. Никто не разговаривал ни с кем, все старались передвигаться по квартире тихо, незаметно, не сталкиваясь друг с другом. Все замерли, не зная, как жить дальше после ядерного взрыва и удастся ли пережить ядерную зиму.

Светлана сидела на краешке кровати и не могла пошевелиться. Ощущение было такое, словно она и есть те самые лебедь, рак и щука, все в одном флаконе, и ее тянет в разные стороны одновременно. Хочется встать и уйти, хотя идти определенно некуда. Тут созданный ею дом, тут ее мир.

Ей хотелось сказать, что Константин несправедлив к ней. Что он слишком резок, слишком груб. Хотелось, чтобы он, как когда-то, прижал ее к себе, обнял, заглянул в глаза. Чтобы они потом сидели на кухне, в пижамах и халатах, смеялись, лопали печенье посреди ночи, занялись бы потом любовью...

Однако от всего этого ее накрепко удерживало странное, безнадежное понимание того, что он все равно ее не услышит. Все равно не поймет. О чем с ним говорить? Они, кажется, уже утратили способность говорить, разучились слушать друг друга, утратили интерес к мыслям и чувствам друг друга. Поэтому и кричали – от страха и безысходности. Можно было часами кричать, но не найти ни единого ответа. Потому что ответ был вообще странный и пугающий. Три слова: «мы – чужие люди». Кошмар.

Светлана сидела на краешке и с ужасом закрывала лицо ладонями, потому что вдруг очень ясно осознала, что, кажется, они с Константином на самом деле больше не вместе. Что в какой-то непонятный момент они разорвали эту связь, делавшую их одним целым, и теперь, что ни говори, все попусту. Они не вместе. Они не слышат друг друга. Не любят.

А ведь когда-то любили. Очень любили. Так, что и поверить было нельзя, что может быть по-другому.

* * *

Сидя с Ирмой в кафе, Светлана понемногу оттаяла и почувствовала, что снова может шевелиться и дышать. Что оцепенение, охватившее ее там, дома, понемногу проходит, и этот бесконечно длинный день, проведенный, как на автopilоте, заканчивается. За окном темнело. Впрочем, большой разницы не было, потому что дни были серыми, черно-белыми, с легкими вкраплениями цветных пятен грязных машин. Грязно-красный, грязно-синий, грязно-зеленый. Кому придет в голову мыть машину, когда на дороге традиционная московская жидкая грязь?

– Значит, бесится? – засмеялась Ирма, откусив большой кусок сливочного пирожного. – Ничего, ему полезно. А что, может, действительно отдать машину Кирюшке, и все?

– Не в этом дело, – с досадой помотала головой Светлана. – Константин изменился. Я изменилась. Мы не можем договориться, каждый из нас – как глухая стена.

– Это, мать, кризис среднего возраста, – успокоила ее Ирма. – Если не разведетесь – пройдет. До ста лет проживете.

– Да? – вздохнула Светлана. – Думаешь, кризис?

– У мужиков вечно какой-то кризис. Младшего возраста, среднего, старшего. Седина в бороду, бес в ребро. Как только

с ними живут – не понимаю.

– Я прожила семнадцать лет, а тоже уже ничего не понимаю, – вздохнула Светлана. Сидя в теплом, тускло подсвеченном кафе, она почувствовала легкое, из ничего взявшееся блаженство. Хотелось, как кошке, свернуться в кресле калачиком и замурлыкать. Принесли блинчики с шоколадом, отчего жизнь стала еще лучше.

– Ты можешь, конечно, закупить всякой литературы, продумать план борьбы, симптомы выписать. Знаю я таких, которые с кризисами борются во всеоружии, но меня гложет один вопрос – а почему это мы должны бороться с их кризисами?!

– Да, Ирма, с твоим феминизмом ты замуж никогда не выйдешь, – рассмеялась Светлана, размазывая шоколад по блинчику.

Ирма фыркнула и откусила еще пирожного.

– Я понимаю, когда замуж выходят зачем-то. Как твоя Лерка, из-за денег. Одного мужа на квартиру обула, второго – вообще на целое состояние. Или вот на даче, там муж – штука весьма полезная. Мне вот надо на даче прокопать траншею для осушения. Тут бы муж не помешал.

– Только имей в виду, когда муж на даче что-то делает, потом будет столько вони – месяц придется отбиваться. За каждый забитый гвоздь.

– Вот-вот. Я и говорю, не понимаю я вас. Ну, любовь. Ну, допустим. А что дальше?

– А ты сама-то любила? – спросила ее Светлана, но Ирма промолчала. Как всегда. Что произошло с Ирмой, почему она так счастливо одинока, каким был ее внутренний мир – всего этого Светлана не знала. Они с Ирмой были не настолько давно и близко знакомы, чтобы она могла знать такие вот подробности. Они познакомились с Ирмой года четыре назад, по работе. Ирма работала кем-то вроде курьера, развозила документы по официальным инстанциям, что-то регистрировала, что-то, наоборот, снимала с регистрации. Подавала отчеты, собирала справки. Ирма была умна, интересна и уверена в себе, но при этом довольствовалась этой весьма скромной и малооплачиваемой работой. Моталась по городу с бумагами, получая сдельно, и не соглашалась даже думать о постоянном месте.

– Но у тебя же сын? – удивлялась Света. – Хочешь, я тебя пристрою на одну фирму немецкую, я у них бухгалтерией занимаюсь на полставки.

– Нет уж. Чтоб я на работу к восьми ходила? Я люблю поспать, иногда даже днем, – отмахивалась Ирма, хотя представить ее спящей было сложно, настолько живой и подвижной она была. Кажется, никогда не шла и даже не бежала – летела. Всегда смеялась, и всегда отмачивала всякие шуточки, колкие замечания. Смешные. Общаться с ней было приятно и интересно, рядом с ней казалось, что воздуха больше и дышать легче.

– Ты просто не хочешь иметь обязательств, – делала вывод

Светлана, а Ирма только загадочно молчала. Она не любила совсем уж открываться кому-либо, не любила рассказывать ни о себе, ни о своих обязательствах. К примеру, Светлана понятия не имела, как и при каких обстоятельствах у Ирмы появился сын Павлик. Любила ли она тогда? Возможно ли это в принципе? Зная Ирму, можно было бы легко поверить, что она вообще сделала себе искусственное оплодотворение как последний, самый сильный акт ненависти к мужскому полу.

– Я не хочу иметь проблем. Видишь вот, сколько у тебя проблем. А ведь у тебя и муж, и работа.

– Да. У меня муж, – вздохнула Светлана.

Время катастрофически быстро исчезало, как и шоколад на блинчиках. Пора было домой. Телефон она отключила, чтобы хоть на пару часов отвлечься, и теперь с неохотой думала о том, что его придется включать. И придется снова идти туда, домой, сидеть, слушать ругань. Разве в этом счастье? Разве об этом она мечтала, когда мечтала о любви?

И ведь вроде все было сделано правильно и не хуже, чем у других. Была большая любовь, она могла еще, если постараться, вспомнить, как ждала свиданий и звонков. Как боялась, что он не придет, что не решится на серьезные отношения. Что не станет связываться с девчонкой из общаги.

Когда они познакомились, она училась на лечебном факультете второго МОЛГМИ на «Юго-Западной», в новеньком, но уже почему-то обшарпанном здании. Она краснела

при словосочетании «мочеполовая система», боялась отчисления и ждала на вокзале маминых банок с вареньем, которые та передавала с проводниками. Константин стал для нее принцем, ее мечтой, ее надеждой на светлое будущее. Он был серьезным, взрослым и красивым, и он любил ее. А когда на втором курсе она залетела (а чего еще можно было ожидать от девушки, краснеющей при словосочетании «мочеполовая система»), он не бросил ее, не заставил сделать аборт, не потребовал оставить его в покое. А ведь мог! Сколько было таких случаев, особенно с ними, с теми, кто оказался в Москве на птичьих правах.

Светлана хорошо помнила, как целую ночь не спала, боясь, что эта задержка не просто так. Тест на беременность ей помогла достать Лера, у нее была знакомая с третьего курса, у которой был тест. Тогда с тестами в аптеках было очень плохо, купить их просто так, за деньги, было почти невозможно. А если учесть, что денег у Светланы было разве что на пачку лапши быстрого приготовления...

Лериной знакомой с третьего курса, по ее же собственным словам, этот тест уже ничем не мог помочь. Лежал в ящике комода, а рядом уже стояла колыбелька. А у Светы еще был вопрос. Еще могла случиться одна полоска. Она думала, что же это будет, если она увидит эти самые две полоски, как станет тяжело дышать, а жизнь моментально усложнится во сто крат. Ей только восемнадцать лет, второй курс, общага. Что скажет мама? Как признаться Косте? Неужели рожать?

Вдруг Костик ее пошлет подальше, как послали многих других? Если так, она родит сама. Вырастит сама, как в «Москва слезам не верит». Уже и так живет в общежитии...

Полосок оказалось две, сбылся самый страшный кошмар. Кого-то же ведь пронесло, но не ее. Как много было в общежитии девчонок бесстрашных, смешливых и выдававших всякое, сменивших множество «друзей», имевших дорогие украшения, носивших шубы. Их пронесло, они знали все о контрацепции, и не из медицинского курса, а из практики. А вот Светлану не пронесло. Надо же, не пронесло. Один-единственный мужчина за всю ее молодую жизнь, и все, на тебе. Если ты беременна, это очень временно. Пришлось идти и, обливаясь холодным потом, признаваться. Светлана чувствовала себя маленькой и глупой, чувствовала себя полной душой, а он, Костик, только вздохнул, ласково провел по ее волосам и тихо прошептал:

– Эх ты, моя кулема. Угроздило нас, да?

– Да уж, – тихо кивнула она, и тогда все стало на свои места. Они будут вместе, будут жить долго и счастливо. Очень счастливо, да? И всегда вместе... М-да, как же это все давно было. Сколько воды утекло. А сколько слез? Сейчас слез вообще не осталось, а когда-то Светлана плакала много и по любому поводу. Даже если просто Кириушка плохо кушает кашу или Олеська в садике разбила коленку.

– Слушай, ты не переживай так. Они того не стоят, – сказала вдруг Ирма.

Светлана вздрогнула и вернулась в реальность, в кафе, к остаткам блинчика и шоколаду.

– Я сама не знаю, что происходит. Просто иногда хочется убежать на край света и остаться там навсегда, а иногда хочется разбить что-нибудь вдребезги.

– То ли выпить, то ли зарезать кого-то, – ухмыльнулась Ирма. – У меня такое тоже бывает.

– Правда? Я думала, ты всегда в порядке.

– Кушай блинчик, – пожала плечами Ирма. – Хорошо все время не бывает. Это тогда уже диагноз.

– Так все-таки что делать-то? Ведь Костик в ярости. Я завтра хочу к Лерке поехать, мы с ней давно договаривались. Она меня в баню звала. А если Костик узнает, он меня в порошок сотрет.

– Может, не ходить? – предложила Ирма. Она с Лерой знакома не была, знала только понаслышке, или от Костика, или от самой Светланы, но все равно почему-то не любила. Леру вообще никто не любил, кроме мужчин, которые готовы были идти за ней в огонь и в воду. Все остальные (особенно женщины, что вполне объяснимо) либо Леру ненавидели, либо терпеть не могли. Она удивительно умела настраивать людей против себя. Что ж, это не повод отказаться от старой дружбы. Связи юности – как узы крови, их не так-то легко разорвать, и уж точно не из-за того, что у кого-то плохой характер.

– Пойду домой. Спасибо, что завезла бумаги.

– Не за что. Любой каприз за ваши деньги, – хмыкнула Ирма. – Кстати, ты помнишь, что у вас в бухгалтерии через две субботы будет корпоративчик? Даже меня пригласили. А ты пойдешь?

– Что-то мне неохота. Опять сидеть и делать лицо.

– Ничего, лицо не отвалится. Если хочешь, я тебя подхвачу, вместе поедем. А то я там вообще никого не знаю, мне без тебя будет совсем тоска.

– Заезжай, – обреченно кивнула Света, отметив про себя, что когда-то, причем не так уж давно, она любила вечеринки и корпоративчики. Что с ней такое? Если бы она осмелилась честно признаться, то сказала бы, что хочет только одного – проспать полгода подряд, не просыпаясь. И очнуться только летом. Или вообще... А ладно, чего уж там.

Они оплатили счет, а пока ждали сдачу, поболтали о детях, о воспитании, о капризах. Ирмин сын хоть и был еще маленький, а тоже считал, что «другие родители» лучше любят своих сыночков. И дарят им радиоуправляемые машины.

– Наверное, это просто что-то такое типа заразной болезни. Вирус эгоизма, мутировавший штамм.

– Надо найти этих «других» и дать им в морду. Чтобы нам детей не путали, – предложила Света.

– Тогда можешь начать прямо со своей Леры.

– Слушай, а может, тебя выдать замуж? – почему-то вдруг предложила Светлана, чтобы перевести тему.

– Зачем? – удивилась она. – Чтобы тебе одной страдать

не так обидно было? И потом, за кого? Ко мне тут на улице гастарбайтер пристал, предлагал большой и не очень чистой любви на стройплощадке. Нет, знаешь, не хочу замуж. Потому что те, за кого я бы пошла, на меня почему-то не клюют. Или, может, их вообще не существует, и они – плод моей больной фантазии. А те, кто может на меня запасть, даже в страшном сне не могут мне понравиться.

– Ладно, все. Глупость сморозила, прости дуру. Просто, знаешь, как-то не верится, что ты всерьез и никогда не хочешь любви. Это так для меня странно. И непонятно.

– Сейчас пойдешь домой, поругаешься с Костиком, и все станет понятнее, – ухмыльнулась Ирма.

В чем в чем, а в этом она оказалась права. Придя домой, Светлана тихонько разделась, стараясь просочиться в квартиру никем не замеченной. Из-под трех межкомнатных дверей пробивались свет и звуки. Из детской – музыка, из спальни – приглушенные обрывки футбола, из комнаты бабушки – тоже телевизор, но что-то публицистическое, кажется, чья-то биография.

Светлана прошла в кухню, налила себе чаю, разложила на столе бумаги, которые ей привезла Ирма. Села на диван, принялась вчитываться в документы, хотя, положив руку на сердце, эти бумаги могли бы подождать. Даже пару недель могли бы подождать, это было вообще не к спеху. Но Светлана вооружилась ими, как поводом. Она встала и прикрыла за собой коричневую кухонную дверь с тонкой изогнутой встав-

кой из мутного стекла. Стало лучше. Появилось ощущение покоя и гармонии с самой собой. А когда она включила маленький кухонный телевизор на каком-то предположительно многосерийном фильме, которого не знала, не смотрела и не собиралась смотреть в будущем, стало совсем хорошо. Четыре телевизора, четыре совершенно изолированные комнаты и совершенно изолированные люди, сидящие в них. Семья Дружининых в полном составе, прошу любить и жаловать.

А Светлана впервые в жизни воспользовалась бумажным поводом, закопалась в цифрах и отчетах, да так и осталась спать на кухонном диване. Нет, не потому, что она не хотела идти к мужу в спальню или боялась очередного скандала. И не от обиды или желания отомстить и сделать больно. Она просто случайно уснула, от усталости, или, может быть, просто погода такая была, сонная, зимняя, черно-белая. А только Светлана замоталась поуютнее в большой лоскутный плед из «ИКЕА» и сладко уснула под бурчание телеканала. На правильно подобранном кухонном диване, представляющем собой дополнительное спальное место для их семьи. И наутро Светлана вдруг почувствовала, что впервые за долгое время она прекрасно выпалась.

Глава V

Неделями двумя позже Лера ходила из конца в конец своей просторной гостиной и читала лекцию Светлане. Так уж у них было заведено с незапамятных времен (тех самых, когда в пионеры шли с неохотой), что Лера в их паре всегда лучше Светланы знала, как устроен этот мир и что, собственно, нужно делать. Конечно, и на солнце бывают пятна, и однажды именно Света решила за Леру, что той делать. Однако это было очень давно и неправда. Или, скорее, это было недоразумением. Случайной погрешностью на десятом знаке после запятой. И посему это можно в расчет не брать. В остальных же случаях было понятно, на чьей стороне опыт и здравый смысл.

– Деточка моя, я знаю о кризисе среднего возраста все, – сказала Лера, махнув в воздухе наполовину пустым бокалом. – Мужчины могут становиться совершенно невыносимыми в этот момент, так что тут надо сразу составить план и четко следовать ему, иначе можно реально доиграться. Поверь мне, даже если он потом десять раз пожалеет, в момент, когда перед ним засверкает во всей своей красе молоденькая секретарша, он не остановится ни на секунду.

– Так что же, закрыть на все глаза?

– Если ты не готова с ним разводиться – да, – кивнула Лера, подливая в их бокалы дорогого красного вина.

– Но... подожди, я вообще не уверена, что он мне изменяет. Он просто грубит, стал каким-то другим. И потом, все не совсем так, как...

– Вот именно. Все совсем не так. Это – начало конца.

– Да? – Светлана удивилась и пожала плечами. Лера же уверенно кивнула.

– Слушай, ты же знаешь, я тебе желаю только добра. Поверь мне, это у него пройдет. И довольно быстро. А потом он будет испытывать болезненное чувство вины, бегать вокруг тебя, виляя хвостом, и дарить подарки. Давно тебе муж дарил подарки?

– На Восьмое марта, – растерянно припомнила Света.

– Поскольку сейчас февраль, получается, что практически год назад, да? А что же с Новым годом-то случилось?

– Так как-то руки не дошли. Я сама все подарки покупаю. Слушай, Лер, вино-то какое вкусное! – аккуратно перевела тему Светлана. – А помнишь, какую мы бурду в общежитии пили?

– Подожди-подожди. – Лера подняла вверх указательный палец и улыбнулась. – Арбатское полусладкое?

– Жуть! – поморщилась Светлана. – А это прямо какое-то такое мягкое, терпкое. Вкус этот... богатый.

– Это мне Герка из Франции привез.

– Все-таки он у тебя молодец. Хороший мужик.

– Знаешь, сколько я этого хорошего мужика подсекала? Жена его, дай бог ей здоровья, ушла от него подумать к ма-

ме, только благодаря этому... – засмеялась Лера. От резких движений французское вино пролилось на пол.

– Он был женат? – удивилась Света. Она этого не знала.

– А... – махнула рукой Лера. – Надо было думать раньше.

– А дети есть?

– Дети есть, – Лера кивнула и погрузилась. Она, кажется, уже немного перебрала, хотя они вроде только по бокалу-то и выпили. Возможно, что она начала еще до прихода Светланы. Или так упало на голодный желудок. Лера практически никогда ничего не ела, только курила и пила. Кофе – чашек по шесть в день, сигарет – дорогих, тонких, привезенных специально для нее откуда-то чуть ли не из Китая, – по пачке. А есть она не любила и боялась. Так что конфеты из швейцарского шоколада и настоящий хамон – все эти чудеса высокой кулинарии достались Светке.

– Слушай, а это из чего? – заинтересовалась она, откусив кусочек невероятно упругого мяса со своеобразным вкусом.

– О, это из особых испанских свиней, которые питаются исключительно желудями пробкового дуба.

– А сколько же это стоит? – не удержалась Лера.

– Пять с половиной тысяч за кило, – с готовностью поделилась Лера.

Хоть она и выросла в приличной семье (папа – известный на всю Тверь хирург, мама, соответственно, его жена), а как-то по ходу жизни утратила частично свое прекрасное воспитание. Она была как раз из тех, кто с удовольствием оста-

вит ценник на подарке, чтобы все знали, как и на чем она не экономит. И на любые такие вопросы была готова ответить в любой момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.